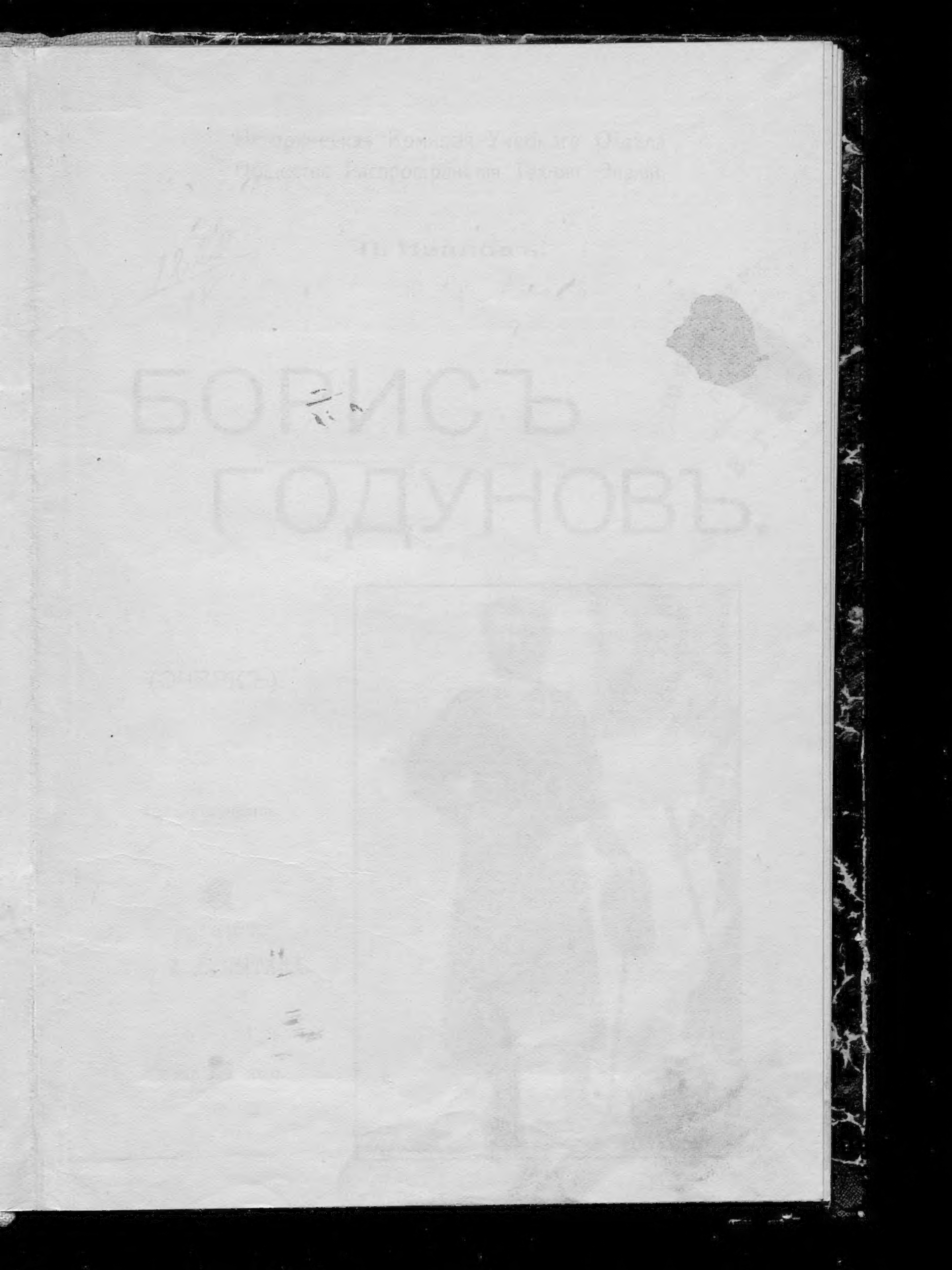

ГОДУНОВЪ

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла
Общества Распространенія Технич. Знаній.

П. Ивановъ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(ОЧЕРКЪ).

Съ рисунками.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Цѣна 15 коп.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Картины въ краскахъ съ текстомъ.

Составл. подъ редакціей

Истор. Ком. Учебн. Отд. Общ. Распр. Техн. Зн:

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЧАСТИ ПРИНИМАЕТЪ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ

Н. А. КАСАТКИНЪ.

ОТПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИСТЫ:

Листъ I. **Начало Руси.** 3 картины: 1) Торгъ. 2) Печенѣгъ въ степи. 3) Убіеніе Аскольда и Дира.

Листъ II. **Первые князья.** 3 картины: 1) Полюдье. 2) Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ. 3) Погребеніе знатнаго русса.

Листъ III. **Крещеніе Руси.** 3 картины: 1) Праздникъ Купалы. 2) Убіеніе христіанъ-варяговъ. 3) Крещеніе кіевлянъ.

Листъ IV. **Татарская неволя.** 3 картины: 1) Владимірское разореніе. 2) Михаилъ въ Ордѣ. 3) Іоаннъ III топчетъ басму.

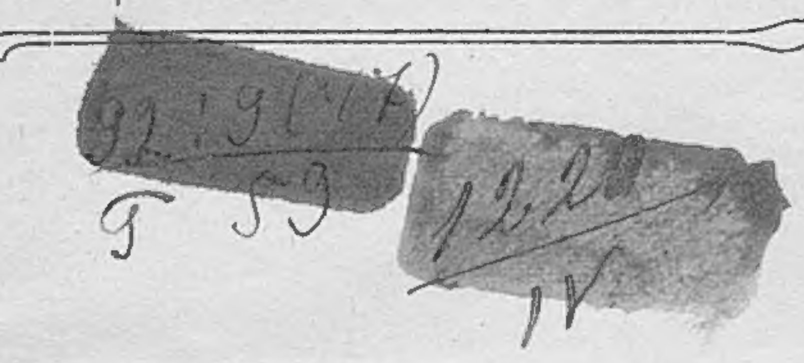
Листъ V. **Александръ Невскій.** 4 картины: 1) Ледовое побоище. 2) Пріемъ кардиналовъ. 3) Александръ въ Ордѣ. 4) Постриженіе Александра Невскаго.

Листъ VI. **Возвышеніе Москвы.** 4 картины: 1) Софья Витовтовна. 2) Дмитрій Донской у свят. Сергія. 3) Куликовская битва. 4) Москва при Іоаннѣ III.

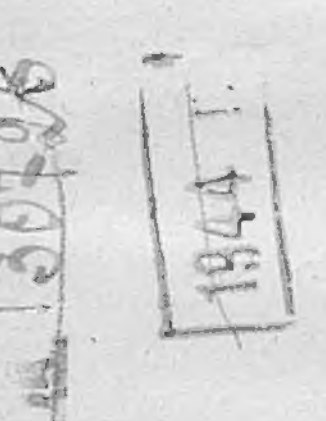
Цѣна каждаго листа **20** коп.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла Общества Распр. Тех. Знаній.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

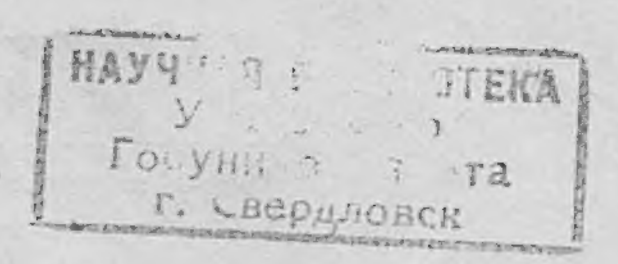
Очеркъ Л. Иванова.

Съ рисунками.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 27 ноября 1904 года.

I.

Избраніе Бориса Годунова въ цари.

— Кому царство, насъ, сиротъ, и свою царицу приказываешь?—спрашивали патріархъ и бояре умирающаго Ѳедора Ивановича, сына Ивана Грознаго, послѣдняго царя изъ дома Рюриковичей.

Разслабленнымъ и тихимъ голосомъ Ѳедоръ отвѣтилъ:

— Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ, какъ ему угодно, такъ и будетъ.

И на смертномъ одрѣ Ѳедоръ остался вѣренъ себѣ. Въ продолженіе своего царствованія онъ, „избывая мірской суеты и докуки“, ничего не дѣлалъ. Не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ заниматься никакими дѣлами.

Природа надѣлила его слишкомъ малыми умственными способностями и такимъ образомъ лишила возможности исполнять свои царскія обязанности.

Московскіе люди первый разъ видѣли на престолѣ такого страннаго царя. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ искренно любить его за кротость и богобоязненность.

Ѳедоръ ходилъ звонить на колокольнѣ, тѣшился кулачными боями или дома заставлялъ кувыркаться придворныхъ карликовъ и карлицъ и отъ души хохоталъ ихъ гримасамъ.

Никто вмѣстѣ съ тѣмъ не отличался такимъ ревностнымъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, какъ

Θедоръ. Онъ выстаивалъ цѣлые часы за утреней, обѣдней, вечерней, всенощной, не пропускалъ ни одной церковной службы.

Но зато всякое, даже самое простое дѣло онъ предоставлялъ разрѣшать своему „управителю“ — Годунову. Когда уже вовсе нельзя было отказаться отъ исполненія царской обязанности—отъ пріема иностранныхъ пословъ, Θедоръ усаживался на царскій тронъ. Въ то время, какъ послы говорили мудреныя рѣчи, царь отъ скуки игралъ своимъ скипетромъ и державой, похожей на яблоко.

Царствованіе Θедора было счастливое для народа— въ особенности сравнительно съ предыдущимъ, когда на престолѣ Всея Руси возсѣдалъ Иванъ Васильевичъ Грозный. Тогда каждый русскій—и бояринъ и простолюдинъ, жили подъ вѣчнымъ страхомъ быть дочиста ограбленнымъ злымъ опричникомъ царскимъ или попасть на плаху.

Народъ отдыхалъ при Θедорѣ Ивановичѣ, который не только не казнилъ безъ-толку и не разорялъ своихъ подданныхъ, а даже преслѣдовалъ чиновниковъ, грабящихъ народъ.

Впрочемъ, какъ уже было сказано, не онъ дѣлалъ все это, а его именемъ приказывалъ и вершилъ всѣ государственныя дѣла братъ царицы Ирины—царскій шуринъ Борисъ Годуновъ. Этотъ послѣдній въ царствованіе Θедора былъ настоящимъ царемъ. И всѣмъ хорошимъ, такъ же, какъ и дурнымъ, что дѣлалось въ Θедорово царствованіе, Русь была обязана Годунову. Въ то время, какъ Θедоръ трезвонилъ на колокольнѣ и любовался кулачными боями, Борисъ Годуновъ думалъ, какъ лучше исправить различныя неурядицы русской жизни, писалъ указы и старался заключать выгодные для Россіи договоры съ иностранными державами.

Про Годунова лѣтописецъ выражается такъ: онъ цвѣлъ благолѣпіемъ; видомъ и умомъ всѣхъ людей превзошелъ; мужъ чудный и сладкорѣчивый, много устроилъ на Руси достохвальныхъ вещей"... Своимъ умомъ и твердостью правительственной власти онъ разрушилъ козни враговъ, надѣявшихся воспользоваться слабоуміемъ царя.

Такимъ образомъ, Россія со смертью Ѳедора ничего не теряла. Настоящій правитель государства, Борисъ Годуновъ, былъ живъ и могъ бы продолжать свою разумную и полезную для Россіи правительственную дѣятельность.

Ѳедоръ Іоанновичъ.

Но дѣло въ томъ, что Борисъ Годуновъ правилъ по милости царя Ѳедора. Правителемъ государства онъ сдѣлался не за свои способности и заслуги передъ народомъ русскимъ, а только потому, что такъ было угодно царю. Вмѣстѣ со смертью Ѳедора кончались и его полномочія.

Ѳедоръ былъ послѣдній „прирожденный" царь, у него не было ни братьевъ, ни какихъ родственниковъ по мужской линіи. Вмѣстѣ со смертью Ѳедора кон-

чалась династія московскихъ царей изъ дома Рюриковичей.

Русь оставалась безъ „прирожденнаго“ государя. Царица Ирина, жена Өедора, которую бояре, патріархъ и народъ просили остаться на престолѣ—„а править велѣла бы брату своему Борису Өедоровичу, какъ было при покойномъ царѣ“,—не согласилась и въ девятый день по кончинѣ мужа выѣхала въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась.

Русскій престолъ освободился. И, конечно, многимъ хотѣлось сѣсть на него. Многіе бояре, знатные люди, совершенно забывшіе при царяхъ о своихъ большихъ правахъ и ползавшіе передъ Грознымъ на колѣняхъ, теперь вспомнили, что знатностью рода они, пожалуй, не ниже этихъ царей. Были тогда нѣкіе князья Шуйскіе, которые утверждали, что они произошли отъ старшаго колѣна Рюрика, тогда какъ московскіе цари были отъ младшаго. Хотя это и не мѣшало въ свое время Шуйскимъ быть такими же царскими холопами, какъ и другіе знатные бояре, но теперь, когда возникалъ вопросъ, кому быть царемъ, они заговорили о своихъ предкахъ.

Были и другія фамиліи, превосходившія знатностью родъ Бориса Годунова. Этотъ послѣдній былъ даже не княжескаго рода: его родъ происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, принявшаго въ XIV вѣкѣ въ ордѣ крещеніе. Годуновы владѣли вотчинами, но не играли никакой роли въ Русской исторіи до тѣхъ поръ, пока Өедоръ не женился на дочери одного изъ Годуновыхъ — Иринѣ. Тогда при дворѣ Ивана Грознаго и выдвинулся Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, братъ Ирины.

Значитъ, происхожденіемъ Борисъ не могъ похвастаться. Въ этомъ онъ уступалъ другимъ боярамъ того времени. Но зато онъ успѣлъ показать себя

добрымъ и хорошимъ правителемъ. И, по отзыву всѣхъ писавшихъ тогда о московскомъ государствѣ русскихъ и иностранцевъ, онъ былъ способнѣйшій среди всѣхъ тогдашнихъ вельможъ.

Кому же надлежало быть царемъ на Руси? Казалось бы, что это долженъ былъ рѣшить весь русскій народъ. Но какъ узнать отъ народа его мнѣніе? Кто бы сталъ и какимъ образомъ узнавать у всего народа его рѣшеніе по этому важному вопросу? Въ Московскомъ государствѣ не было установленнаго правила или обычая для избранія царя, какъ это бывало и бываетъ въ странахъ, гдѣ самъ народъ выбираетъ себѣ на извѣстный срокъ высшее правительство изъ лучшихъ людей государства. Въ Московскомъ государствѣ съ самаго его основанія управлялъ народомъ родъ князей Рюриковичей. Умиралъ одинъ, на престолъ садился его сынъ или родственникъ, независимо отъ того, плохъ ли онъ, или хорошъ, способенъ ли

Борисъ Годуновъ.

править государствомъ, или нѣтъ, какъ, напримѣръ, малоумный Өедоръ или его отецъ Грозный, умѣвшій только разорять страну.

И теперь въ первый разъ случилось такъ, что вся фамилія царская перемерла. И внезапно оборвался порядокъ, самъ собой установленный для наслѣдованія высшей власти. А другого порядка московскіе люди не знали.

Въ такихъ случаяхъ бываетъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи, что кто-нибудь наиболѣе сильный, имѣющій приверженцевъ или хитрый и умный, умѣющій пользоваться обстоятельствами, завладѣваетъ престоломъ. Бываетъ, что многіе сталкиваются изъ-за стремленія обладать престоломъ, и тогда происходитъ борьба между ними, иногда открытая, съ оружіемъ въ рукахъ, иногда тайная.

Въ данномъ случаѣ борьба разыгралась скрытая между Борисомъ Годуновымъ и другими претендентами *). Подробности этой скрытой борьбы не дошли до насъ. Но о характерѣ ея говорятъ тѣ нелѣпыя и злыя сплетни, которыя ходили тогда о Борисѣ Годуновѣ въ народѣ. Его обвиняли въ самыхъ различныхъ преступленіяхъ: въ убійствѣ Дмитрія, сына Грознаго, въ убійствѣ маленькой Өеодосіи, дочери Өедора, въ поджогахъ Москвы и во многомъ другомъ. Очевидно, этими сплетнями, распускаемыми въ народѣ, соперники Бориса хотѣли подорвать заслуженный имъ авторитетъ милостиваго и хорошаго правителя. Что Борису съ большими усиліями пришлось одолѣть своихъ соперниковъ, на это указываютъ слова патріарха Іова, ревностнаго приверженца Бориса. Патріархъ писалъ объ этомъ времени: „Въ большую печаль

---

*) О личностяхъ этихъ претендентовъ мы скажемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о самозванцѣ.

ииалъ я о преставленіи сына моего, царя Өедора Іоанновича; тутъ претерпѣлъ я всякое озлобленіе клеветы, укоризны; много слезъ пролилъ я тогда“.

И, кто знаетъ, быть-можетъ, не содѣйствуй патріархъ Борису, престолъ достался бы человѣку, гораздо менѣе его достойному царствовать. Но патріархъ тогда имѣлъ огромное вліяніе въ Московскомъ государствѣ. Патріаршество было основано еще очень недавно—въ царствованіе Өедора Ивановича. И всѣмъ было памятно, съ какими торжественными обрядами былъ возведенъ въ санъ патріарха митрополитъ Іовъ. Для этого созвали тогда цѣлый священный соборъ, на которомъ присутствовалъ константинопольскій патріархъ. Патріархъ казался народу какъ бы вторымъ царемъ; его титулъ возбуждалъ благоговѣйный страхъ.

Понятно, что такой человѣкъ своимъ заступничествомъ могъ оказать большое содѣйствіе Годунову, тѣмъ болѣе, что по смерти Өедора онъ писалъ указы за царицу и сталъ во главѣ управленія государствомъ.

О первой попыткѣ возвести Бориса Годунова на престолъ такъ говорится въ лѣтописи:

Когда Ирина заключилась въ монастырь, то дьякъ Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ Кремлѣ народу и требовалъ присяги на имя думы боярской, но получилъ въ отвѣтъ:

— Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу.

Когда же дьякъ объявилъ, что царица въ монастырѣ, то раздались голоса:

— Да здравствуетъ Борисъ Өеодоровичъ!

У народа было достаточно основаній отказаться отъ боярской думы. Народъ зналъ, что и при царяхъ бояре то и дѣло спорили другъ съ другомъ о старшинствѣ — мѣстничались, по тогдашнему выраженію.

и, если имъ всѣмъ вмѣстѣ вручить правительство, то, кромѣ ссоръ и личныхъ передрягъ, изъ этого ничего не выйдетъ: каждый будетъ заботиться о себѣ, а отнюдь не о народномъ благѣ.

Воспользовавшись настроеніемъ толпы, патріархъ Іовъ предложилъ итти всѣмъ вмѣстѣ въ Новодѣвичій монастырь, куда Борисъ уѣхалъ вслѣдъ за сестрой, и просить Годунова быть царемъ. Народъ, бояре и патріархъ направились къ монастырю и стали просить царицу Ирину благословить брата на престолъ.

Однако, Борисъ на этотъ разъ отказался отъ почетнаго предложенія. Ему казалось, что такая случайная толпа людей еще недостаточна для такого большого дѣла, какъ избраніе царя.

Послѣ тайныхъ переговоровъ съ Борисомъ Іовъ рѣшилъ собрать земскій соборъ, чтобы дать такимъ образомъ возможность всему народу участвовать въ выборѣ царя.

Послали по всему государству гонцовъ собирать выборныхъ людей.

17 февраля 1598 года въ Кремлѣ собрались эти люди въ числѣ 474. Изъ нихъ 99 было духовныхъ лицъ, 272 служилыхъ людей — бояръ, окольничьихъ, дворянъ, дьяковъ — больше всего здѣсь было небогатыхъ помѣщиковъ, затѣмъ 33 человѣка выборныхъ изъ городовъ, 7 головъ стрѣлецкихъ, 22 гостя, 5 старостъ гостиныхъ сотенъ и 16 сотниковъ черныхъ сотенъ *).

---

*) *Окольничій*—старинный дворцовый чинъ, второе мѣсто послѣ бояръ.

Гость—представитель высшаго купечества.

Сотня—нѣчто въ родѣ купеческаго союза или цеха.

На сотни (гостиную и суконную) дѣлилось городское купечество средней руки. Остальное торгово-промышленное населеніе носило общее названіе торговыхъ людей *черныхъ сотенъ* и слободъ. Каждая черная сотня составляла особое общество, управляемое своимъ старостой и сотскимъ.

Этотъ соборъ недолго думалъ надъ избраніемъ царя.

Патріархъ Іовъ первый началъ говорить. Онъ спросилъ: „Кому на великомъ, православномъ государствѣ государемъ быть?“ И, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:

„А у меня, патріарха, и прочихъ духовныхъ лицъ—митрополитовъ, архіепископовъ и у всѣхъ вообще людей, живущихъ въ Москвѣ, одна общая мысль, чтобы помимо Бориса Θедоровича никого не выбирать“.

Въ отвѣтъ на это всѣ совѣтные люди громко закричали:

— Наше желаніе одинаково съ твоимъ, отецъ нашъ, чтобы неотложно просить Бориса быть государемъ.

Это быстрое рѣшеніе собора можно объяснить отчасти непривычкой русскаго народа того времени размышлять надъ государственными вопросами.

И особенно надъ такимъ вопросомъ, кому быть царемъ *). Московскіе цари и въ особенности Иванъ Грозный, царствовавшій 50 лѣтъ, пріучили народъ считать ихъ полными господами, а себя полными рабами царей.

— Есть у насъ царь прирожденный, а мы его холопы прирожденные,—говорили московскіе люди.

Когда москвичей спрашивали о какомъ-нибудь извѣстномъ дѣлѣ, то они повторяли съ дѣтства затверженное выраженіе:

— Мы того не знаемъ. Знаетъ то Богъ, да государь знаетъ все.

И понятно, странно было людямъ, такъ думающимъ, выбирать себѣ царя.

---

*) Земскіе соборы, т.-е. совѣщанія представителей земли, созывались и до 1598 г., такъ созванъ былъ соборъ въ 1550 г. (первый—въ молодости Грознаго) въ 1666 г. и 1684 г., но эти соборы по составу представителей на нихъ носили скорѣе характеръ совѣщанія правительства съ собственными чиновниками и не имѣли рѣшающаго вліянія въ управленіи землей.

Привыкшій къ повиновенію, народъ собрался, когда ему приказали собраться, затѣмъ указали, какого царя нужно избирать, — закричалъ, чтобъ такой и былъ *).

Когда затѣмъ на соборѣ стали перечислять права Бориса Годунова на престолъ, то и тутъ прежде всего ставили не его заслуги передъ русскимъ народомъ, а его близкія отношенія къ умершимъ „прирожденнымъ“ государямъ, ихъ милостивое расположеніе къ нему. Очевидно, это для народа было убѣдительнѣе, придавало въ его глазахъ будущему царю больше цѣнности, чѣмъ истинныя заслуги Годунова передъ русскимъ народомъ.

Говорили такъ:

„Царь Иванъ Васильевичъ (Грозный) женилъ сына своего, царевича Ѳедора на Иринѣ Годуновой, и взяли ее, государыню, въ свои царскія палаты семи лѣтъ, и воспитывалась она въ царскихъ палатахъ до брака. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ также при свѣтлыхъ царскихъ очахъ былъ неотступно съ несовершеннолѣтняго возраста и отъ премудраго царскаго разума царственнымъ чинамъ и достоянію навыкъ **). По смерти Ивана Ивановича, старшаго сына Ивана Грознаго ***), царь говорилъ Годунову: „Полагаю сына своего Ѳедора и царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, великихъ чудотворцевъ и на тебя, Бориса, ты бы объ ихъ здоровьѣ радѣлъ...“ Когда царь

---

*) Впрочемъ, единодушіе въ выборахъ Бориса надо объяснять и тѣмъ, что большинство на соборѣ принадлежало къ служилымъ людямъ, интересы которыхъ всегда поддерживалъ Борисъ, будучи еще правителемъ.

**) Это, разумѣется, неправда — Борисъ правилъ именно обратно тому, чему могъ научиться у „премудраго“ Ивана Грознаго. Это просто риторика, необходимая для вящшаго прославленія съ тогдашней точки зрѣнія Бориса.

***) Иванъ Грозный убилъ въ припадкѣ гнѣва своего старшаго сына.

Өедоръ принялъ державу, тогда Борисъ Өедоровичъ, помня приказъ царя Ивана Васильевича, государево здоровье хранилъ, какъ зѣницу ока. „Учинилъ ихъ царскому имени великую честь и похвалу“ и т. д. въ такомъ родѣ.

Только въ концѣ перечисленій Борисовыхъ правъ на престолъ кратко сказано: „Все Россійское царство онъ въ тишинѣ учинилъ, бѣдныхъ вдовъ и сиротъ въ крѣпкомъ заступленіи, всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались“. А въ концѣ опять: „И славно было государево имя отъ моря и до моря“...

На соборѣ вообще не высказывались ничьи отдѣльныя мнѣнія. Все прошло сухо и формально. Подобный соборъ могъ бы избрать и кого-нибудь другого, если бы патріархъ и весь священный соборъ *) оказался на его сторонѣ.

Вотъ почему земскій соборъ не придалъ крѣпости царствованію новой династіи — Годуновыхъ. Разумѣется, собраніе земскаго собора дѣлало большую честь мудрости Бориса, прибѣгшаго не къ насильственнымъ мѣрамъ для своего воцаренія, не къ захвату власти, а къ мирному обращенію ко всему народу. Но фактъ также и то, что сознаніе важности и законности избранія царя представителями всего народа еще не было развито у русскихъ. Борисъ и самъ чувствовалъ это. Недаромъ онъ послѣ своего восшествія на престолъ старался всячески укрѣпляться на немъ, заставилъ особенно торжественно народъ клясться въ вѣрноподданствѣ, приказалъ читать при заздравной чашѣ молитву о здравіи царя и проч. Хотя, казалось бы, какая еще нужна была крѣпость его царствованію, если самъ народъ выбралъ

*) Т.-е. высшее духовенство.

Годунова въ цари. Но Борисовы опасенія оказались впослѣдствіи не напрасными. Стоило появиться человѣку, выдававшему себя за спасеннаго царевича Дмитрія, сына Грознаго, умершаго въ 1591 году въ Угличѣ, чтобы поколебалась народная увѣренность въ правильности Борисова царствованія. И все только потому, что царевичъ Дмитрій былъ сынъ „прирожденнаго“ царя, хотя и грознаго...

И вотъ даже призракъ „прирожденнаго“ царя побѣдилъ въ народномъ сознаніи Бориса, милостиваго, котораго народъ самъ выбралъ въ цари. Ясно, что русскіе того времени не дерзали считать себя въ правѣ выбирать царя по своему усмотрѣнію.

Но такъ или иначе земскимъ соборомъ 1598 года Борисъ Годуновъ былъ избранъ въ цари. И, отслуживъ молебенъ, патріархъ съ духовенствомъ, боярами и множествомъ народа, отправился въ Новодѣвичій монастырь. Однако, и на этотъ разъ Борисъ отказался.

Чѣмъ же объяснить этотъ вторичный отказъ Бориса? Быть-можетъ, онъ вовсе не желалъ сдѣлаться русскимъ царемъ, желалъ отдохнуть отъ трудовъ, которые ему пришлось нести въ Ѳедорово царствованіе. Или, быть-можетъ, это было лицемѣріе привыкшаго вѣчно лгать царедворца?

Нѣтъ, это была тонкая и разсчитанная политика умнаго человѣка. Единственной мечтой Бориса въ то время было сдѣлаться царемъ, но, какъ было уже сказано, ему нужно было всячески заботиться о твердости своей будущей державы.

Отказываясь вторично, онъ разсуждалъ такъ: „Если меня будутъ долго и продолжительно просить сдѣлаться царемъ, у меня всегда будетъ возможность сослаться на это. Я отказывался, а вы меня просили“.

Послѣ вторичнаго отказа Бориса патріархъ Іовъ и всѣ „православные христіане“ были въ большомъ не-

доумѣніи—„въ скорби и плачѣ неутѣшпемъ“, какъ говорится въ лѣтописи. Патріархъ рѣшилъ испытать послѣднее средство. „Если же и это средство не подѣйствуетъ,—говорилъ онъ,—то мы отлучимъ Бориса отъ Церкви и сами сложимъ съ себя святительскій санъ“.

21 февраля, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, крестный ходъ двинулся въ Новодѣвичій монастырь. Несли всѣ кремлевскія хоругви и святыни съ чудотворной иконой во главѣ. Навстрѣчу крестному ходу изъ монастыря при звонѣ колоколовъ вынесли икону Смоленской Божіей Матери. За иконой вышелъ Годуновъ. Онъ направился къ чудотворному лику и распростерся ницъ—долго лежалъ такъ и „омочилъ землю слезами“. Затѣмъ, приложившись ко всѣмъ другимъ иконамъ, онъ подошелъ къ патріарху и громко воскликнулъ:

— Святѣйшій отецъ и государь мой Іовъ патріархъ, зачѣмъ ты чудотворную икону и честные кресты воздвигнулъ?

Патріархъ отвѣтилъ во всеуслышаніе:

— Не я сдѣлалъ это. Это Пречистая Богородица со Своимъ Предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прійти и святую волю Сына Своего на тебѣ исполнить. Устыдись пришествія Ея, повинись волѣ Божьей и ослушаніемъ не наводи на себя праведнаго гнѣва Божія.

Послѣ этого Іовъ съ боярами направился въ церковь, а Борисъ ушелъ въ келью царицы. Народъ наполнилъ весь монастырскій дворъ, а тѣ, кто не помѣстился, стояли за воротами обители.

Послѣ обѣдни патріархъ со всѣмъ духовенствомъ и боярами пошли въ келью царицы Ирины, били ей челомъ долго на колѣняхъ со слезами. А въ это время народъ кричалъ:

— Благочестивая царица, пощади насъ и дай намъ на царство брата.

Наконецъ царица сказала:

— Ради Бога, даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ вамъ государемъ-царемъ.

Патріархъ и всѣ присутствующіе отправились въ церковь, и патріархъ благословилъ Борисъ на царство.

Борисъ сдѣлался царемъ.

Но, говоря объ его царствованіи, объ его управленіи государствомъ, нельзя имѣть въ виду только то время, когда онъ, дѣйствительно, сидѣлъ на московскомъ престолѣ, т.-е. съ момента избранія до смерти, съ 1598 по 1605 годъ. Его высшая государственная дѣятельность, какъ уже было сказано, началась еще съ 1584 года, вслѣдъ за болѣзнью Никиты Романовича, дяди Өедора. И Борисъ, какъ царь, почти не отличается отъ Бориса-правителя. Такимъ образомъ, приступая къ изложенію правительственной дѣятельности Бориса, мы будемъ имѣть въ виду всѣ событія, начиная съ 1584 года.

II.

Внѣшнія сношенія при Борисѣ.

Вскорѣ послѣ вступленія Бориса на царство пришла вѣсть, что на Москву двигается крымскій ханъ съ огромной ордой и турецкими полками. Было велѣно служилымъ людямъ собираться къ берегамъ Оки, изъ Москвы тоже были посланы туда стрѣлецкія войска. Говорятъ, что собралось тогда войска до 500.000. Самъ царь выѣхалъ къ Серпухову, гдѣ расположился станомъ въ великолѣпныхъ царскихъ шатрахъ. Еще не получилось точныхъ извѣстій, гдѣ ханскія полчища. Очевидно, они были еще далеко. И новый царь вос-

пользовался свободнымъ временемъ, чтобы познакомиться со своимъ войскомъ.

Войско тогда состояло изъ постояннаго—стрѣльцовъ. Число ихъ при Борисѣ доходило до 10.000. Они раздѣлялись на приказы, и каждымъ приказомъ командовалъ голова. Кромѣ стрѣльцовъ, по мѣрѣ надобности со всего государства собирался особый классъ людей, называвшихся служилыми людьми. Это были дворяне, помѣщики, сидѣвшіе на своихъ помѣстьяхъ, пожалованныхъ имъ царями за службу. Служилые люди обязаны были являться къ войску— „конны, людны и оружны"—т.-е. въ собственномъ вооруженіи, на лошадяхъ и со своими людьми. Такимъ образомъ, составлялось московское войско. Главное начальство надъ нимъ поручалось воеводамъ. Каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ извѣстнаго святого; за воеводой везли всегда на лошадяхъ по 10 мѣдныхъ барабановъ. Это была своего рода музыка, при звукахъ которой войска начинали битву.

Что касается боевыхъ качествъ этого воинства, то нужно отдать справедливость,—это было плохое войско: плохо выученное, плохо слушающее команды.

Знакомясь съ войскомъ, Борисъ старался всячески поощрить воиновъ. Ратнымъ людямъ раздавалось большое жалованье и подарки. Каждый день въ шатрахъ царя обѣдало до 70.000 человѣкъ,

Однако слухъ о походѣ крымскаго хана оказался невѣрнымъ. Вмѣсто грозной рати явились мирные послы. Годуновъ воспользовался случаемъ, чтобы произвести на татаръ самое сильное впечатлѣніе. Пословъ поставили въ семи верстахъ отъ царскаго стана, живописно расположеннаго на самомъ берегу Оки. Ночью велѣно было по всему лагерю стрѣлять изъ ружей. На другой день утромъ пословъ повезли представляться царю. На протяженіи всего пути по обѣ стороны до-

роги стояли пѣшіе ратники съ пищалями и разъѣзжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и безпрестанную стрѣльбу, такъ перепугались, что едва могли разсказать о своемъ порученіи. Царь пожаловалъ ихъ великимъ жалованьемъ и отпустилъ домой съ богатыми дарами для хана.

Этотъ эпизодъ очень характеренъ для Бориса. Онъ любилъ разрѣшать всякія недоразумѣнія съ иностранными державами мирнымъ путемъ. Выгоды старался пріобрѣтать путемъ переговоровъ. Вмѣсто войска предпочиталъ въ сосѣднія страны посылать пословъ.

Даже въ крайнихъ случаяхъ, когда бой съ врагами казался неизбѣжнымъ, Борисъ умѣлъ отвращать опасность. Такъ было, напримѣръ, въ началѣ Ѳедорова царствованія: Казы-Гирей, крымскій ханъ, подошелъ подъ самыя стѣны Москвы. Борисъ Годуновъ ночью приказалъ съ кремлевскихъ стѣнъ палить изъ пушекъ и звонить во всѣ колокола. А русскіе, якобы перебѣжчики, явились къ хану и сказали, что въ Москву пришла огромная рать изъ Новгорода. И ликующіе москвичи ждутъ только утра, чтобы ударить на ханское войско своими несмѣтными силами. Ханъ струсилъ и тотчасъ же уѣхалъ со своими женами изъ войска. А за нимъ бросились и всѣ крымцы, оставивъ русскимъ богатый обозъ.

Кромѣ этой безкровной войны, въ правленіе Бориса была только одна довольно ничтожная война со шведами въ 1590 году. Шведы удерживали отнятый при Грозномъ берегъ Балтійскаго моря и не хотѣли возвращать его, хотя Борисъ и предлагалъ за него деньги. Московскому государству было особенно тяжело, что у него отняли Балтійское море, столь важное для торговли и сношеній съ иностранными государствами. Въ январѣ 1590 года началась война.

Самого царя Θедора взяли въ походъ, разсчитывая, что такъ будетъ торжественнѣе. Шведы дѣйствовали плохо. Не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, сами предложили перемиріе на годъ и уступили города Яму, Копорье и Иванъ-Городъ. Россіи этого было недостаточно. Нужно было возвратить Нарву и Корелу. Борисъ даже подсылалъ къ жителямъ Нарвы грамоты, предлагая имъ большія льготы, если передадутся Москвѣ. Но изъ этого ничего не вышло, а приступъ къ Нарвѣ былъ отбитъ. Черезъ пять лѣтъ заключили окончательный „вѣчный“ миръ. Шведы отдали русскимъ Корелу, а русскіе отказались отъ Нарвы. Такимъ образомъ, русскіе въ эту войну моря не пріобрѣли, но зато сберегли людей и средства.

Вообще Борисъ всегда больше заботился объ охраненіи своего государства, чѣмъ о завоеваніи новыхъ земель. Въ противоположность тогдашнему времени, когда каждый государь мечталъ войной придать блескъ своему царствованію, Борисъ старательно избѣгалъ всякихъ вооруженныхъ столкновеній. Даже въ самые благопріятные моменты, когда удача войны казалась обезпеченной, вслѣдствіе неурядицъ въ сосѣднихъ странахъ, онъ прибѣгалъ только къ угрозамъ. Старался мирнымъ путемъ извлечь выгоды изъ положенія враждующихъ сторонъ. Онъ любилъ пускать въ ходъ дипломатическія хитрости. Воспользовавшись плохими отношеніями между Польшей и Швеціей, Годуновъ послалъ пословъ къ шведамъ и требовалъ отъ нихъ различныхъ уступокъ, грозя въ противномъ случаѣ соединиться съ Польшей. Въ то же время, какъ бы въ досаду польскому королю Сигизмунду, онъ пригласилъ къ себѣ шведскаго царевича Густава, котораго просилъ въ мужья своей дочери Ксеніи. Этого Густава въ Москвѣ нарочно возили мимо дома, гдѣ жилъ польскій посолъ. Борисъ старался также возбу-

дить ливонцевъ противъ поляковъ, приглашалъ ливонцевъ къ себѣ, награждалъ помѣстьями.

Такую же дипломатію разводилъ онъ на западѣ и на югѣ. Старался побудить императора Рудольфа *) начать войну съ Польшей. Указывалъ на благопріятный моментъ — на смуту въ Польшѣ. Онъ обѣщалъ, что самъ въ это время будетъ воевать съ крымскимъ ханомъ, чтобы избавить отъ татаръ христіанскія земли. Но императорское правительство отклонило предложеніе Бориса. Императоръ, если и заводилъ сношенія съ московскимъ дворомъ, то только въ надеждѣ на помощь деньгами для войны съ Турціей.

Дѣйствительно, Борисъ разъ послалъ деньги для этой благой цѣли, но въ то же время отправилъ пословъ въ Турцію и просилъ султана запретить крымцамъ тревожить русскія земли. Въ грамотѣ Борисъ увѣрялъ султана, что не слушаетъ совѣтовъ императора итти войной на Турцію. Но Турція тогда была могущественной страной. Великій визирь чванливо отвѣтилъ Борису, что дружбу съ султаномъ московскій царь можетъ купить, отдавъ ему Астрахань и Казань и сведя съ Дону казаковъ, постоянно совершающихъ набѣги на турецкія земли. Борисъ, разумѣется, отклонилъ столь дорогую дружбу, но за казаковъ извинился. „Они и сами насъ не слушаютъ", писалъ онъ въ свое оправданіе. Однако, не преминулъ тутъ же послать донцамъ снаряды и деньги для борьбы съ мусульманами.

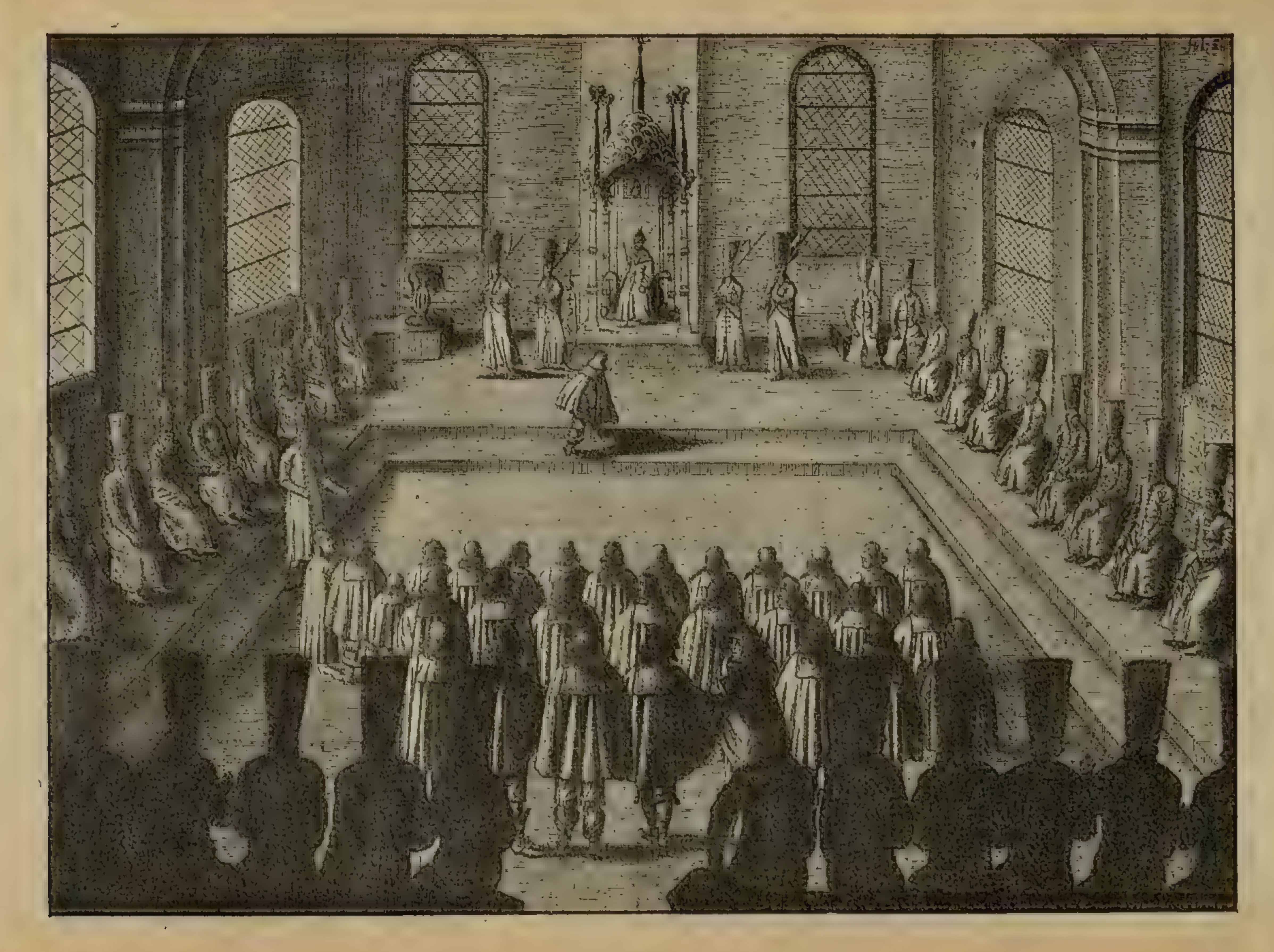
Дружескія отношенія старался поддерживать Годуновъ и съ Персіей.

Вообще же дипломатія Бориса никогда не имѣла особенно положительныхъ результатовъ. Она любопытна только, какъ оригинальный для того времени

*) Рудольфъ II—римско-германскій императоръ.

пріемъ международныхъ отношеній. Тогда больше любили воевать, чѣмъ разговаривать. Хитроумная политика Бориса была новшествомъ и, какъ всякое новшество, не отличалась совершенствомъ. Дипломатія требуетъ гибкости и тонкости ума, образованности, это—цѣлая наука, а дипломатія Бориса иногда просто смѣшитъ наивностью и грубостью пріемовъ. Правда, въ этой грубости много повинны и тѣ люди, черезъ которыхъ Борисъ дѣйствовалъ,—русскіе послы. Трудно найти болѣе неподходящаго для дипломатіи человѣка, чѣмъ русскій того времени. Русскіе послы поражали иностранцевъ и приводили въ отчаяніе своей мелкой придирчивостью и несговорчивостью. Это были упрямые мужики безъ всякой тѣни образованія и воспитанія. Ихъ манеры и пріемы заставляли иностранцевъ хохотать отъ всей души.

Чтобы не сбиться, они обыкновенно крѣпко держались за царскіе наказы и ни на шагъ не отступали отъ нихъ. И оттого никакія дипломатическія сношенія черезъ нихъ были немыслимы. Любимымъ занятіемъ русскихъ пословъ было соблюденіе внѣшнихъ обрядностей. Прежде чѣмъ приступить къ настоящему дѣлу, они по недѣлямъ могли спорить о всякихъ формальныхъ пустякахъ: долженъ ли король встать при упоминаніи царскаго имени или нѣтъ; должны ли они сперва подойти къ королевской рукѣ, а потомъ вручить грамоту или обратно; приличнѣе ли панамъ стоять при разговорѣ съ ними—царскими послами или имъ можно сѣсть и т. п. Иностранные дипломаты, которымъ приходилось имѣть дѣло съ московскими послами, сердились, доказывали, разъясняли, но русскіе твердо стояли на томъ, за что успѣвали схватиться. И дипломаты могли скорѣй заболѣть отъ досады и раздраженія, нежели переубѣдить царскихъ посланниковъ.

Пріемъ иностранныхъ пословъ.

Борисъ запретилъ своимъ посламъ препираться изъ-за пустяковъ и училъ ихъ, что имъ нужно говорить. Они выучивали наизусть царскія слова и, являясь къ иностраннымъ дворамъ, прямо бухали, чему ихъ учили. Поѣхали, напримѣръ, послы къ шведамъ съ приказаніемъ отъ Бориса купить исконно-русскіе города, отнятые при Грозномъ.

„Если можно, постарайтесь, чтобы они даромъ намъ эти города отдали", говорилъ Борисъ.

Послы явились къ шведамъ и, недолго думая, изложили имъ свою просьбу: „Отдайте намъ издревле принадлежащіе Московскому государству города. А если даромъ не хотите, то царь вамъ за нихъ заплатитъ".

„Гдѣ же это видано,—отвѣчали удивленные шведы,—чтобы государство торговало своими городами или дарило ихъ сосѣдямъ. Ступайте-ка лучше назадъ, съ чѣмъ пришли".

И мудрые дипломаты вернулись къ Борису ни съ чѣмъ.

Одинъ русскій посолъ, выполняя свое порученіе при англійскомъ дворѣ, вдругъ ужасно обидѣлся и, не докончивъ дѣла, уѣхалъ изъ Англіи.

— Меня—царскаго посла,—жаловался онъ въ Москвѣ,—королева принимала не во дворцѣ, а въ огородѣ, гдѣ растутъ лукъ и чеснокъ...

Потомъ оказалось, что королева давала ему аудіенцію *) въ своемъ саду, гдѣ принимала только самыхъ приближенныхъ людей.

Въ томъ же Лондонѣ царскій посолъ не поѣхалъ на обѣдъ, даваемый лордомъ-мэромъ **) въ честь этого посла—только потому, что по англійскому обычаю лордъ-мэръ всегда сидитъ на первомъ мѣстѣ, и, слѣдовательно, московскому гостю предстояло сидѣть на второмъ.

---

*) Аудіенція—пріемъ.
**) Городской голова.

Насколько московскіе послы были непріятны иностранцамъ своей мелочностью, можно судить по слѣдующимъ словамъ польскихъ пановъ:

„Вы показали уступчивость большую противъ прежнихъ обычаевъ,—говорили они Борисовымъ посламъ.—Раньше споръ поднимали о шапкахъ. И королю даже не хотѣли кланяться. А теперь даже и панамъ кланяетесь. И мы считаемъ это за большую вѣжливость съ вашей стороны“...

Несомнѣнно, Борисъ былъ въ душѣ большой дипломатъ. Но не будучи образованъ и выросши въ такой некультурной странѣ, какъ тогдашняя Россія, окруженный такими дипломатами, о которыхъ мы только что говорили, онъ мало успѣвалъ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Но не въ успѣхѣ этихъ сношеній значеніе ихъ для Московскаго государства, а въ самомъ характерѣ отношеній. Борисъ замѣчателенъ не какъ дипломатъ, а какъ миролюбецъ. Онъ не любилъ проливать кровь своихъ подданныхъ. И этимъ выгодно отличался отъ царей предшествующей династіи, въ особенности отъ Ивана Грознаго, который своими разорительными войнами довелъ Московское государство до самаго незавиднаго положенія.

Народъ русскій былъ бѣденъ, хотя и жилъ въ богатомъ краю. Земель тогда было много. Но были онѣ плохо разработаны, часть даже стояла пустыремъ. Въ земляхъ таились несмѣтныя природныя сокровища, стояли дремучіе лѣса, текли огромныя рѣки. И почти все это пропадало даромъ. Безпрерывныя войны отнимали у народа возможность мирно заниматься своимъ дѣломъ. А вѣдь чѣмъ богаче народъ, чѣмъ больше у него времени и средствъ для обработки земли и своего личнаго развитія, тѣмъ государство лучше и могущественнѣе. Но правительство тогда

думало, что могущество государства заключается главнымъ образомъ, въ величинѣ страны, и старалось завоевать какъ можно больше земель.

Борисъ Годуновъ въ противоположность этому взгляду сталъ посвящать почти все свое время устройству государства и своей мирной политикой позволилъ народу отъ „бывшей скорби утѣшаться“.

III.

Постройка городовъ.

Прежде всего Годуновъ сталъ заботиться объ укрѣпленіи государства и заселеніи пустынныхъ мѣстъ. Постройка городовъ и крѣпостей была любимымъ его дѣломъ въ теченіе всего правленія. Никто изъ предшествующихъ и послѣдующихъ ему царей не основалъ столько городовъ, сколько онъ. Многіе изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи большими торговыми и населенными центрами.

Эта дѣятельность Бориса имѣла гораздо больше видимаго значенія для государства, чѣмъ его дипломатія. Вѣдь Московское государство не только было не устроено, но и не защищено. Сосѣдніе инородцы грабили, сколько хотѣли, русскую землю. Крымскіе татары доходили безпрепятственно даже до самой Москвы; отсутствіе крѣпостей способствовало имъ. Московскіе цари могли выставить огромныя полчища для войны съ такимъ сильнымъ народомъ, какъ поляки и шведы, но они совсѣмъ не умѣли защищать свою страну отъ грабежа ногайцевъ, черемисовъ, крымцевъ и другихъ ничтожныхъ народцевъ.

Постройка городовъ-крѣпостей исправляла этотъ недостатокъ Московскаго государства. Борисъ строилъ города и на востокѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ.

Сибирь по смерти своего завоевателя Ермака снова перешла въ руки мѣстнаго князька Кучума. Борисъ нѣсколько разъ посылалъ воеводъ, чтобы укрѣпить въ Сибири русское владычество. Но стоило только воеводамъ, усмиривъ инородцевъ, возвратиться въ Москву, какъ тѣ снова отлагались отъ Россіи. Тогда Борисъ приказалъ въ Сибири строить города, постройка которыхъ не прекращалась во все время его царствованія. Были построены на берегу рѣки Туры: Тюмень, Тобольскъ; затѣмъ: Березовъ, Пелымь, Верхотурье, Томскъ и друг. Постройка этихъ городовъ оказалась вѣрнѣйшимъ средствомъ для укрѣпленія въ Сибири русскаго господства.

Во вновь отстроенныхъ городахъ поселялись служилые и пашенные люди (т.-е. ратники и земледѣльцы). Приглашали желающихъ переселяться, давали имъ разныя льготы. Борисъ заботился и о торговлѣ: такъ изъ Вятки было приказано двумъ купцамъ переселиться въ Верхотурье. Старался о заведеніи промышленности—въ Верхотурскомъ уѣздѣ были устроены казенныя соляныя варницы. Разумѣется, города были вначалѣ очень бѣдны населеніемъ и мѣстными продуктами производства: часто недоставало даже хлѣба, приходилось посылать его изъ Россіи. Самый удобный способъ доставки различныхъ матеріаловъ изъ Россіи былъ по рѣкамъ, но для этого не было судовъ. И вотъ для постройки судовъ велѣно было выслать въ Сибирь плотниковъ изъ Перми и Вятки. Этихъ плотниковъ селили на берегу рѣкъ и надѣляли землями. Судовыя снасти посылались изъ Ярославля и Вологды. Строились дороги. Такъ, между Верхотурьемъ и Соликамскомъ была проведена дорога.

Завѣдывавшій работами отличался крайней недобросовѣстностью, воровалъ матеріалъ, приказывалъ дорогу чистить узко, мосты мостить худые. Въ концѣ-концовъ пришлось снова посылать людей чистить дорогу отъ пней и изломовъ. Вообще, замѣтимъ, недобросовѣстность русскихъ людей сильно мѣшала Борису въ его дѣлѣ устроенія государства.

Въ 1586 году кахетинскій царь Александръ отдался въ подданство московскому государю; русскіе должны были защищать его. Для удобства Борисъ построилъ на Кавказѣ городъ Теркъ и послалъ туда ратныхъ людей и воеводу. Но не по силамъ еще было бороться Московскому государству въ этихъ далекихъ странахъ съ могущественными турками и персіянами. Въ 1605 году турки взяли Теркъ и уничтожили весь его гарнизонъ. Погибло до 7000 человѣкъ, и владычество Москвы надолго исчезло изъ Кавказа.

Зато постройка городовъ по Волгѣ шла очень успѣшно. Тамъ были построены Саратовъ, Самара, Царицынъ; какъ извѣстно, эти города процвѣтаютъ и въ настоящее время. Астрахань была укрѣплена каменной крѣпостью. На крайнемъ сѣверѣ, у Бѣлаго моря былъ выстроенъ Архангельскъ. Онъ сдѣлался чрезвычайно важнымъ торговымъ пунктомъ для русскихъ того времени. Не владѣя Балтійскимъ и Чернымъ морями, русскіе должны были вести торговлю съ Западомъ черезъ Бѣлое море и Сѣверный океанъ. И Архангельскъ былъ единственнымъ тогда городомъ, имѣвшимъ прямое торговое сношеніе съ Западной Европой. Въ 1604 году, напримѣръ, тамъ перебывало 29 иностранныхъ кораблей: англійскихъ, голландскихъ и французскихъ.

Для защиты отъ опустошительныхъ набѣговъ крымцевъ Борисъ воздвигалъ крѣпости-города на южной степной украйнѣ: Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлго-

родъ, Осколъ, Валуйки, возобновилъ Курскъ. Подъ прикрытіемъ этихъ городовъ русскіе могли успѣшнѣе переселяться на югъ. Насколько укрѣпленія Бориса были непріятны татарамъ, видно изъ грамоты крымскаго хана Казы-Гирея. Притворясь доброжелателемъ московскаго правительства, ханъ убѣждаетъ его не строить городовъ въ степи. Татарскіе князья и лучшіе люди,—писалъ онъ,—жалуются намъ: „Ужъ очень близко русскіе города къ крымскимъ границамъ наставлены: какъ же намъ не задирать русскихъ“. Но, понятно, это были только слова: при крѣпостяхъ татарамъ не особенно удобно было грабить русскихъ.

Въ землѣ черемисовъ, усмиренныхъ въ началѣ царствованія Ѳедора, для избѣжанія возстаній на будущее время былъ построенъ рядъ городовъ, населенныхъ русскими: Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ, городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и др.

Даже на отдаленномъ Яикѣ Борисъ умудрился построить городъ Уралъ.

IV.

Народное благосостояніе.

Борисъ получилъ въ управленіе разоренную страну. Жестокое и своевольное правленіе Грознаго было тому главной причиной. Его опричники, не стѣсняясь, грабили русскій народъ.

Кромѣ того, непрерывныя войны, которыя велъ Иванъ IV, тяжелымъ гнетомъ ложились на его подданныхъ. Увеличивались налоги, придумывались новые способы получать деньги съ населенія. Грозный, не задумываясь, казнилъ богатыхъ людей, „понеже у нихъ

Русскій городъ XVI в.

вотчины великія“, и отбиралъ ихъ имѣнія въ казну. Выгонялъ цѣлыя селенія изъ принадлежащихъ имъ угодій.

Вообще, въ Московскомъ государствѣ мало думали тогда о народномъ благосостояніи. Считали, что если богата казна государя, то, значитъ, и все обстоитъ благополучно. Могущество государства полагали въ богатствѣ правителей, а не въ богатствѣ всѣхъ подданныхъ. „Казна великаго князя размножалась, — говоритъ лѣтописецъ, — а земля пустѣла, торговля не развивалась, люди дичали“.

Тогдашняя столица своимъ наружнымъ видомъ соотвѣтствовала такому порядку вещей. Иноземца, въѣзжавшаго въ нее, поражала противоположность, съ одной стороны, позолоченныхъ верховъ кремлевскихъ церквей и вышекъ, съ другой — кучи курныхъ избъ посадскихъ людишекъ и жалкій грязный видъ ихъ хозяевъ. Онъ удивлялся изобилію царскихъ и боярскихъ сокровищъ и въ то же время крайней нищетѣ народа.

Русскій человѣкъ того времени, если даже имѣлъ достатокъ, старался казаться бѣднѣе, чѣмъ былъ. Боялся пускать свои денежки въ оборотъ, чтобы, разбогатѣвши, не сдѣлаться предметомъ доносовъ и не подвергнуться царской опалѣ, за которой слѣдовало отобраніе всего достоянія „на государя“ и нищета семьи. Поэтому, онъ пряталъ деньги гдѣ-нибудь въ монастырѣ или закапывалъ въ землю про черный день. Держалъ подъ замкомъ въ сундукахъ вышитые золотомъ дѣдовскіе кафтаны и охабни *), собольи шубы и серебряныя чарки, а самъ ходилъ въ грязной потертой однорядкѣ изъ грубаго сукна или въ овчинномъ тулупѣ и ѣлъ кое-что изъ деревянной посуды. Неувѣренность въ безопасности, постоянная боязнь

*) Видъ верхней одежды.

сильныхъ людей, на которыхъ не было никакой управы, потому что судьи и правители всегда держали ихъ руку, стѣсняли русскаго человѣка, подавляли въ немъ стремленіе къ улучшенію своей жизни, къ изящной обстановкѣ, къ правильному труду, къ умственной работѣ. Въ своей домашней жизни русскій отличался неопрятностью, въ трудѣ—лѣнью.

Видя всенародную бѣдность, нищелюбивое сердце Бориса Годунова преисполнялось жалостью: „И свою послѣднюю рубаху раздѣлю съ народомъ!“ воскликнулъ онъ при короновании царемъ.

Онъ началъ свое царствованіе великими милостями. Служилымъ людямъ было выдано двойное жалованье, купцы освобождены на два года отъ платежа пошлинъ, земледѣльцы освобождены отъ податей на годъ. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ получили свободу и даже вспоможеніе. Вдовамъ и сиротамъ — русскимъ и чужеземнымъ — розданы деньги и съѣстные припасы. Новгородцы получили особыя льготы: были у нихъ два царскихъ кабака, доходы съ которыхъ шли на государя. Новгородцы сколько разъ просили избавить ихъ отъ этихъ разорительныхъ учрежденій. И Борисъ теперь исполнилъ ихъ желаніе — уничтожилъ кабаки.

Эти милости—не случайность въ правленіи Бориса. Во все время своей правительственной дѣятельности онъ оказывалъ *милости* народу, одинаково, — и при всенародныхъ бѣдствіяхъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ. Происходили пожары въ столицѣ и въ другихъ городахъ—и Борисъ строилъ для погорѣвшихъ новые дома, краше прежнихъ, отстраивалъ цѣлыя улицы. Россію постигъ голодъ,—и царь велѣлъ раздавать милость голодающимъ, велѣлъ отворить царскія житницы. И въ обыкновенное время — встрѣчалъ ли Годуновъ бѣдныхъ людей или они сами приходили

къ нему за помощью, онъ всегда надѣлялъ ихъ милостыней.

Однако многимъ кажется страннымъ, что на ряду со всѣми благодѣяніями, оказываемыми народу, Борисомъ ничего не было сдѣлано для облегченія общихъ тяжелыхъ повинностей. Налоги и подати и при этомъ милостивомъ царѣ были такъ же обременительны, какъ и прежде, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ Борисъ и облегчалъ народонаселеніе отъ податей.

Причина понятна. Борисъ зналъ о нуждѣ народа, жалѣлъ его и совершенно искренно хотѣлъ прійти къ нему на помощь. Но онъ помогалъ такъ, какъ умѣлъ. И нужно отдать справедливость, онъ выбралъ неудачный способъ для поднятія народнаго благосостоянія. Борисъ дѣйствовалъ не какъ правитель, а какъ частный человѣкъ. Онъ былъ только благотворителемъ. Вслѣдствіе своей необразованности и мало развитымъ тогда экономическимъ понятіямъ Годуновъ не сумѣлъ найти корень зла. И при внутренней болѣзни сталъ лѣчить только наружныя язвы.

Поэтому онъ не спасъ Россію отъ того, что грозило ей. Онъ засталъ народную жизнь, шедшую по совершенно ложному пути, и ничего не могъ сдѣлать, чтобы повернуть ее на другую дорогу. Это въ особенности замѣтно на крестьянскомъ вопросѣ, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Но все-таки правленіе Бориса отличалось спокойствіемъ, сравнительно съ предшествующимъ царствованіемъ. При немъ подданные чувствовали себя болѣе устойчиво. Онъ не отказался отъ большихъ податей и налоговъ, но все-таки это было нѣчто законное, опредѣленное. Уплативъ, что слѣдуетъ, частные люди могли богатѣть, если могли. Царь не трогалъ ихъ имущества; не такъ, какъ Грозный, который, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ для войны, косо смотрѣлъ на обогащеніе

подданныхъ, старался наложить свою ужасную опалу на человѣка и жадную руку на его имущество.

Годуновъ уважалъ собственность русскихъ, даже покровительствовалъ самодѣятельности отдѣльныхъ лицъ и поощрялъ торговлю, оказывая купцамъ различныя льготы. Борисъ Годуновъ первый изъ царей сознаЛъ, что казна существуетъ не только для царя, но и для народа.

Современники называютъ царствованіе Бориса „доброцвѣтущимъ" и считаютъ, что много достохвальныхъ вещей устроилъ онъ въ государствѣ.

Изъ этихъ „достохвальныхъ вещей" обращаютъ на себя вниманіе изобрѣтенныя Борисомъ общественныя работы. Чтобы дать возможность народу заработать въ трудныя для него минуты, Борисъ предпринималъ постройку какихъ-либо общественныхъ зданій: во время голода въ Кремлѣ были построены каменныя палаты.

Вообще, при Борисѣ началъ измѣняться взглядъ на личный трудъ подданныхъ. Онъ не заставлялъ ихъ работать на казну даромъ, не злоупотреблялъ народнымъ трудомъ. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны были работники, ихъ трудъ оплачивался хорошей цѣной. Такъ было, напримѣръ, при постройкѣ стѣнъ въ Смоленскѣ или тюремъ въ Серпуховѣ. Онъ приказывалъ нанимать людей по вольной цѣнѣ и платить деньги изъ царской казны. Тогда какъ прежде, въ подобныхъ случаяхъ, народъ просто сгоняли, какъ говорилось, на городовое дѣло *), тюремное и прочія дѣла.

*) Городовое дѣло, т.-е. постройка городовъ, возведеніе укрѣпленій и пр. въ XVI в. считалось, какъ бы одной изъ повинностей населенія; эта повинность, чрезвычайно тягостная для населенія, продолжала существовать и при Борисѣ. Годуновъ пытался было ее перевести на денежные сборы, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ, и городовое дѣло и въ XVII в. отбывалось преимущественно натурой.

V.

Заботы о благоустройствѣ.

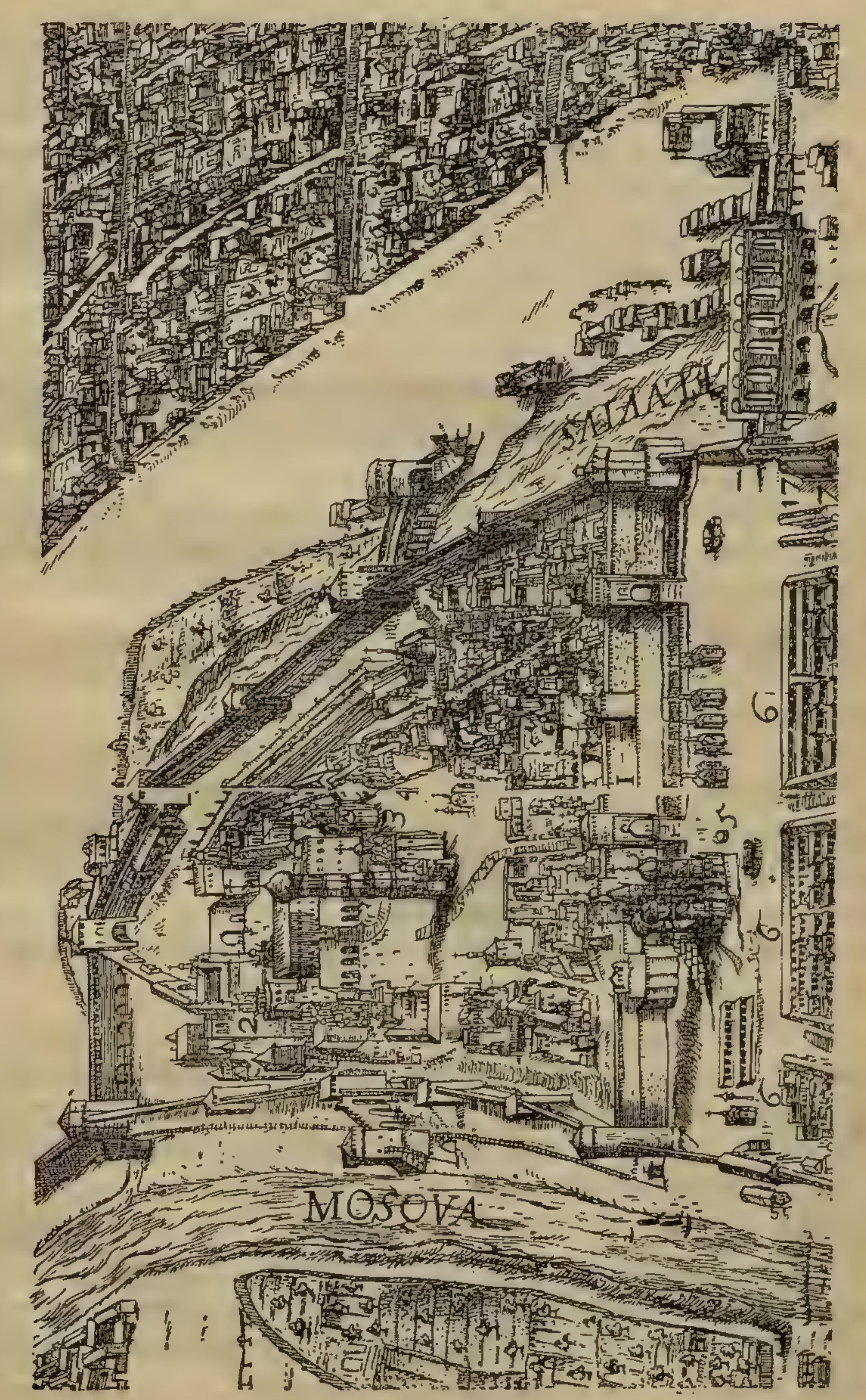
— Борисъ,—говоритъ лѣтописецъ,—ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемство. „Но не могъ искоренить“, печально прибавляетъ онъ.

Борисъ наказывалъ взяточниковъ, издавалъ соотвѣтствующіе указы. Если судья былъ уличенъ во взяткахъ, то долженъ былъ возвратить взятое, заплатить штрафъ отъ 500—2000 рублей, имѣніе его отбиралось въ казну. Если же это былъ дьякъ *), то его возили по городу и сѣкли, при чемъ на шеѣ у него висѣлъ мѣшокъ со взяткой. Потомъ провинившагося бросали въ тюрьму. Но взяточничество не уменьшалось. Только взяточники поступали осторожнѣе: для избѣжанія подозрѣнія просители должны были вѣшать подарокъ къ образу въ домѣ правительственнаго лица или при христосываньѣ всовывать деньги въ руку вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ.

Борисъ всегда принималъ жалобы частныхъ лицъ на воеводъ и прочихъ управителей и старался разслѣдовать дѣло. Но при обширности страны и при общей худой нравственности трудно было наблюдать за исполненіемъ царскихъ указовъ. Борисъ всѣми мѣрами старался заставить своихъ чиновниковъ быть справедливыми и человѣколюбивыми, а они всѣми мѣрами старались провести царя, оставить прежній вы-

---

*) Тогда простыхъ наказывали строже, чѣмъ знатныхъ. Не дошли еще до понятья, что всѣ равны передъ закономъ, что за одинаковое преступленіе всякій долженъ нести одинаковую кару: и простолюдинъ и бояринъ.

Кремль въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

годный для себя порядокъ безстыднаго обиранія народа и потворства богатымъ и знатнымъ.

Противъ разбойниковъ Борисъ предпринималъ различныя мѣры и издавалъ указы, какъ судить ихъ. Но разбои въ его царствованіе не уменьшались. По большимъ дорогамъ и на водяныхъ путяхъ — рѣкахъ, всюду сидѣли „соловьи", разбойники, и грабили немилосердно. Трудно было вести при такихъ условіяхъ торговлю.

Многіе склонны объяснять неудачи Бориса во внутреннемъ управленіи государствомъ исключительно отсутствіемъ у него реформаторскаго, преобразовательнаго таланта. Дѣйствительно, Борисъ ничего не предпринималъ, чтобы исправить систему управленія. Правительственныя учрежденія оставались въ его царствованіе прежнія: также въ Москвѣ всѣ дѣла вершались въ приказахъ, въ которыхъ попрежнему сидѣли безграмотные бояре или окольничьи и корыстолюбивые дьяки, заправлявшіе всѣми дѣлами; также по городамъ отправлялись намѣстники, кормившіеся на счетъ народа.

Про судей того времени можно было повторить слова лѣтописца, сказанныя про судей начала XVI столѣтія: при московскихъ судьяхъ правда улетѣла на небо, а кривда осталась на судѣ.

Измѣнить установившійся порядокъ вещей было выше силъ одного человѣка. Врядъ ли новыя учрежденія могли исправить дѣло. Не такъ учрежденія, какъ сами русскіе нуждались тогда въ исправленіи. Тогдашнее русское общество представляло изъ себя самую жалкую картину.

Продолжительное татарское иго, когда каждый жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ лишиться имущества и „живота", затѣмъ борьба князей за волости, сопровождавшаяся различными неправдами, отсутствіе вся-

каго просвѣщенія чрезвычайно дурно вліяли на народную нравственность. Царствованіе Грознаго окончательно развратило народъ. Создавши опричину, онъ вооружилъ русскихъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милости или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ. Нехорошія стороны человѣка выступили наружу и сдѣлались основой жизни. Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближняго. Вѣдь только въ беззаконномъ и беззащитномъ обществѣ могли выработаться ужасныя русскія пословицы, въ родѣ: „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись, или: „Бери все, что плохо лежитъ“. Въ полной мѣрѣ тогда свирѣпствовало право сильнаго. Жизнь основывалась на произволѣ, на корысти, на неправдѣ.

„Во всѣхъ сословіяхъ,—говоритъ современникъ,—воцарились раздоры и несогласія, никто не довѣрялъ своему ближнему, каждый преслѣдовалъ только свои интересы. Бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Цѣны на товары были огромныя. Богачи, давая деньги, брали неимовѣрные проценты. Даже другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышающій занятую сумму, и бралъ по четыре процента еженедѣльно. Если же закладъ не былъ выкупленъ въ срокъ, то пропадалъ безвозвратно“.

Тогдашнее положеніе вещей дѣлало человѣка игрушкой случайностей и, конечно, не могло развить чувства собственнаго достоинства и уваженія къ другому человѣку. Часто приходилось спасать жизнь и имущество цѣной крайняго униженія личности. И ненавистное рабствованіе заползало въ души людей.

Посадскій или волостной человѣкъ, завидя издали дворянина или дьяка, убѣгалъ отъ него, а если встрѣчался съ нимъ или имѣлъ къ нему дѣло, то валялся у него въ ногахъ. Зато всякій убогій крестьянинъ,

ползающій передъ дворяниномъ, дѣлался жестокимъ мучителемъ своихъ братьевъ, если только возвышался надъ ними и получалъ какое нибудь начальство... Въ свою очередь дьякъ или дворянинъ валялись въ ногахъ бояръ, а всѣ вмѣстѣ ползали передъ великимъ княземъ.

Вотъ, напримѣръ, образецъ, до какого униженія личности, униженія прирожденнаго, доходили русскіе люди. Бояринъ Салтыковъ писалъ Борису изъ Новгорода, куда былъ посланъ встрѣчать датскаго принца—жениха Ксеніи, дочери Годунова:

„Когда мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ, государь нашъ, жалуетъ насъ не по нашей мѣрѣ: противъ насъ встаетъ и здоровается, шляпу снявъ. Мы—холопы ваши государскіе того не достойны и потому просили пословъ датскихъ, чтобы королевичъ обращался съ нами по нашему достоинству".

Чтобы устроить жизнь на началахъ человѣколюбія и правды, нужно было перевоспитать народъ, измѣнить поколѣніями привившіеся ему недостатки. Никакіе царскіе указы не могли исправить дѣла. Развѣ можетъ указъ или законъ исправить человѣка, если онъ привыкъ почитать только грубую силу, повиноваться насилію?

Борисъ страдалъ отъ отсутствія хорошихъ людей и стремился во что бы то ни стало отыскать ихъ.

У него было два средства къ этому. Воспитать и образовать русскихъ или призвать со стороны. Онъ прибѣгалъ и къ тому и другому средству—ко второму чаще, чѣмъ къ первому. Никто изъ русскихъ царей не любилъ такъ иностранцевъ, какъ Борисъ.

Въ это время въ западно-европейскихъ странахъ просвѣщеніе успѣло пустить глубокіе корни: во многихъ городахъ уже давнымъ-давно существовали университеты и другія школы, въ каждой странѣ были

свои великіе ученые, философы, писатели, поэты, мастера благородныхъ искусствъ — живописи, ваянія, зодчества; музыка и образованность стала проникать въ народныя массы. Сообразно съ этимъ и жизнь тамъ шла болѣе интересно, красиво, и люди были живые, воспріимчивые ко всему болѣе разумному.

А Россія, отрѣзанная отъ Европы дремучими лѣсами и топкими болотами, все еще была страной темной и непросвѣщенной. Прикованные къ мѣсту своей бѣдностью, своей непредпріимчивостью и царскими запрещеніями уѣзжать изъ Россіи, русскіе были варварами въ полномъ значеніи этого слова. Слѣдуя совѣтамъ своего духовенства, они считали европейскую образованность дьявольскимъ наважденіемъ, презирали безбожныхъ еретиковъ, какъ они называли иностранцевъ, и не желали ничего перенимать. Впрочемъ, имъ и негдѣ было научиться цѣнить великую силу просвѣщенія. Вѣдь только школа и знаніе даетъ толчокъ человѣку къ дальнѣйшему развитію, прививаетъ вкусъ въ разумной, красивой жизни. А тогда школъ не было въ Московскомъ государствѣ. Только при нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ находились церковныя училища для подготовки къ духовному сану; учили въ этихъ школахъ немногому: внятному чтенію по церковно-славянскимъ книгамъ и письму. Свѣтскихъ школъ не было вовсе...

Борисъ, испытывая нужду въ просвѣщенныхъ людяхъ, хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ. Къ сожалѣнію, ему помѣшало духовенство во главѣ съ патріархомъ. Духовенство старалось охранить русскихъ людей отъ чужеземныхъ „еретическихъ“ мыслей. Охраненіе косности была вообще главная добродѣтель патріарховъ.

Нерѣшительность Бориса можно объяснить отсутствіемъ у него ясно выраженнаго сознанія, какъ по-

мочь положенію вещей. Не нужно забывать, что самъ Борисъ былъ необразованный человѣкъ, совершенно незнакомый съ западно-европейской жизнью. Онъ только чутьемъ умнаго человѣка понималъ, что Западу нужно подражать.

Своему сыну онъ далъ блестящее образованіе, выписалъ изъ-за границы учителей. Кромѣ того, Годуновъ послалъ десять молодыхъ русскихъ за границу учиться. Это былъ первый опытъ такого рода. Онъ кончился не совсѣмъ удачно для Бориса: никто изъ молодыхъ людей, получивъ образованіе, не захотѣлъ вернуться въ убогое отечество.

Борисъ не сумѣлъ создать на родинѣ у себя нужныхъ ему людей. Но, ощущая страшную потребность, во всякаго рода ученыхъ людяхъ, онъ обращался къ иностранцамъ.

Давно уже московскіе государи начали принимать къ себѣ на службу иностранцевъ. Но Борисъ превзошелъ ихъ въ этомъ. Онъ заманивалъ ихъ всевозможными льготами. Онъ не останавливался предъ тѣмъ, чтобы тайно увозить ихъ изъ отечества. Онъ награждалъ пріѣзжающихъ къ нему истинно по-царски. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ Борисъ ливонцамъ, явившимся къ нему послѣ отобранія у нихъ имѣній поляками.

— Не печальтесь, мы въ три раза возвратимъ вамъ то, что вы потеряли. Дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, другихъ людей—боярами. Мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и златѣ и кошельки ваши наполнимъ деньгами. Мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, но отцомъ, а вы дѣтьми нашими.

Борисъ любилъ иностранцевъ не только какъ служилыхъ людей. Нѣтъ, онъ любилъ ихъ какой-то особенной жадной любовью, какъ темный человѣкъ, без-

конечно страдающій отъ этой темноты, любитъ все свѣтлое, всѣхъ, которые соприкасаются со свѣтомъ. Онъ любилъ въ нихъ то, чего не было у него и у окружающихъ его.

Сношенія съ иностранными дворами доставляли ему истинное наслажденіе, даже если они и не приносили видимой пользы. Борисъ переписывался съ англійской королевой Елизаветой, при чемъ она называла его „мой любительный братъ“, „кровный пріятель“. Пріемъ иностранныхъ пословъ отличался необычайной пышностью и торжественностью (см. рис. на стр. 21). И для своей дочери Борисъ все подыскивалъ жениха среди иностранныхъ принцевъ.

Съ этой цѣлью онъ завелъ сношеніе съ шведскимъ принцемъ Густавомъ, жившимъ въ Италіи. Онъ пригласилъ его къ себѣ и далъ ему въ удѣлъ три города, но, когда Густавъ не захотѣлъ отказаться отъ любовницы, привезенной имъ, и перемѣнить протестантскую вѣру на православную, Борисъ отнялъ города и послалъ Густава правителемъ въ ничтожный Угличъ. Нужно было искать другого жениха. Принцъ Іоаннъ Датскій согласился ѣхать въ Россію. Онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Москву и очень понравился Борису и народу, но, къ несчастью, вскорѣ по пріѣздѣ заболѣлъ и умеръ.

Кромѣ безкорыстной привязанности къ иностранцамъ, Борисъ, какъ дѣловой и практическій человѣкъ, разумѣется, старался пополнить ими недостатокъ въ людяхъ различныхъ профессій. Онъ звалъ къ себѣ: ремесленниковъ, художниковъ, медиковъ, плавильщиковъ, юристовъ, аптекарей, типографовъ и проч.

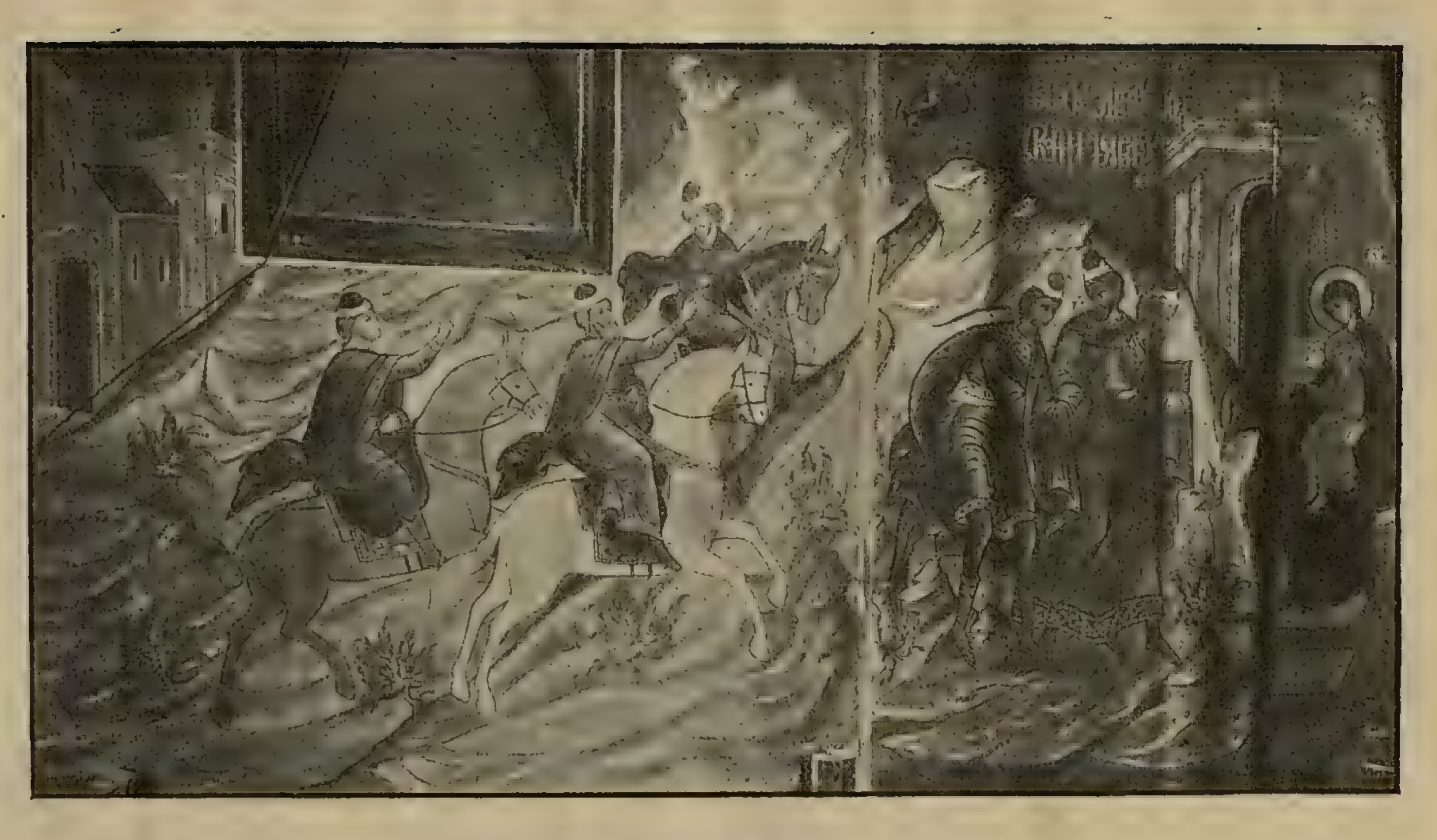
Кромѣ того, приглашая иностранныхъ купцовъ и давая имъ большія льготы, онъ старался развить торговлю въ Россіи.

Торговля въ Россіи находилась въ очень плохомъ состояніи. Отсутствіе удобныхъ дорогъ, вѣчные разбои, хищничество чиновниковъ, разумѣется, не могли развивающимъ образомъ дѣйствовать на нее. Къ этому присоединилось запрещеніе выѣзжать за предѣлы государства, значитъ, стѣснялась свобода передвиженія,

Стѣнная живопись въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (въ Москвѣ), исполненная художниками Годунова въ 1598 г.

одно изъ главнѣйшихъ условій для успѣшнаго развитія коммерческихъ операцій. Сообразно съ этимъ и предпріимчивость русскихъ купцовъ была ниже всякой критики. Они старались нажиться не широкой постановкой дѣла, не усовершенствованіемъ коммерческихъ пріемовъ, а мошенничествомъ, обманомъ своихъ поку-

Роспись Новодѣвичьяго монастыря: „Волхвы“.

пателей, обвѣшиваньемъ и обмѣриваньемъ. Наконецъ, русскіе купцы отличались ужасной безграмотностью, они даже не знали самыхъ простыхъ правилъ ариѳметики.

Понятно, что при столь неблагопріятныхъ условіяхъ отечественная торговля наша была мало развита.

Борисъ думалъ, что если свои не сумѣли завести въ государствѣ настоящей торговли, то это сдѣлаютъ чужіе. Нѣкоторымъ нѣмецкимъ купцамъ онъ далъ жалованныя грамоты на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей съ правомъ безпошлинной торговли съ иностранными государствами. Московскіе дворы ихъ были свободны отъ всякихъ податей и повинностей.

Право льготной торговли въ Россіи принадлежало одной англійской компаніи *), но, кромѣ этого, Борисъ давалъ жалованныя грамоты и другимъ компаніямъ и купцамъ различныхъ государствъ.

Неизвѣстно въ точности, была ли при Борисѣ, какъ при прежнихъ царяхъ, стѣснена свобода передвиженія въ Россіи, свободный выѣздъ русскихъ купцовъ за границу. Извѣстно только, что еще при Ѳедорѣ посылали грамоту къ англійскому правительству съ просьбой разрѣшить московскимъ купцамъ ходить торговать въ Англію... Эта свобода передвиженія, должно-быть, не была точно проведена. Запрета не было, но не было также уничтожено прежнее правило— „спрашиваться" для поѣздки каждый разъ у государя. По крайней мѣрѣ, во время переговоровъ между Польшей и Москвой русскіе послы никакъ не могли согласиться, чтобы „холопамъ" царскимъ можно было

---

*) Торговыя сношенія англичанъ съ Россіей завязались при Иванѣ Грозномъ; въ 1557 г. англійскіе купцы получили льготную грамоту на исключительную, безпошлинную торговлю въ Московскомъ государствѣ.

безпрепятственно ѣздить въ Польшу. „У насъ безъ царскаго спроса ни одинъ человѣкъ изъ государства выйти не можетъ“, хвастались они.

VI.

Крестьяне.

Теперь мы выяснимъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ Борисова царствованія, вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, т.-е. обращеніи свободныхъ людей въ несвободныхъ. Обыкновенно принято думать, что вина этого обращенія исключительно падаетъ на Бориса Годунова, что онъ отдалъ однихъ людей своего государства во власть другихъ: заставилъ крестьянъ работать въ пользу помѣщиковъ.

Но Годуновъ виноватъ только въ томъ, что не пошелъ противъ жизни. Ко времени его правленія жизнь сложилась такъ, что свободный крестьянинъ уже наполовину сдѣлался несвободнымъ. Еще задолго передъ Годуновымъ началось это постепенное обращеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, т.-е. людей, обрабатывающихъ землю и имѣющихъ право перехода съ мѣста на мѣсто, право селиться гдѣ имъ угодно, въ несвободныхъ, лишенныхъ права перехода. И уже много лѣтъ спустя послѣ Годунова, закончилось это обращеніе ужаснымъ рабствомъ — крѣпостнымъ правомъ, когда одинъ человѣкъ — господинъ, благодаря произволу, царившему въ тѣ времена, пріобрѣталъ возможность дѣлать съ другими людьми — его крѣпостными—все, что угодно: продавать, убивать, разлучать мать съ сыномъ и мужа съ женой, насиловать женщинъ и заставлять безмѣрно работать на себя.

Годуновъ только участвовалъ въ жизненномъ процессѣ, который начался до него и кончился послѣ него. Онъ царствовалъ въ то время, когда этотъ процессъ совершался. Чтобы остановить процессъ, необходимо было бы измѣнить весь существующій строй государства, устроить государственную жизнь на новыхъ началахъ,—Годуновъ, какъ мы говорили, не былъ способенъ на такое большое, грандіозное дѣло.

Въ данномъ случаѣ онъ принялъ сторону, хотя и безсознательно, текущаго положенія вещей, и своими дѣйствіями помогъ совершавшемуся процессу обращенія свободнаго человѣка въ несвободнаго.

Прежде чѣмъ говорить о тѣхъ мѣрахъ, какими онъ содѣйствовалъ этому обращенію, мы должны выяснить, какъ происходило оно.

Московскіе цари, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, вели безпрерывныя войны и завоевывали громадныя пространства земли. Для веденія войны и для охраненія новыхъ земель нужно было содержать большое войско,—постоянно увеличивать его. Необходимо, разумѣется, было и содержать воиновъ, кормить ихъ. Распоряжаясь государствомъ, какъ собственнымъ имѣньемъ, они начали раздавать служилымъ людямъ помѣстья—большіе или меньшіе надѣлы земли. При этомъ цари не справлялись, живетъ ли кто-нибудь на раздаваемыхъ земляхъ, принадлежатъ ли онѣ землепашцамъ. Вѣрнѣе даже, они именно старались раздать землю уже населенную, обрабатываемую живущими на ней крестьянами.

Для крестьянъ подобный образъ дѣйствій правительства являлся непріятной неожиданностью. Крестьяне обжились на „царскихъ“ земляхъ, считали себя хозяевами своихъ участковъ, такъ какъ и отцы и дѣды владѣли ими и обрабатывали. И вдругъ приходилъ какой-то новый господинъ, присланный царемъ,

и объявлялъ, что земля, на которой живутъ крестьяне, отнынѣ его собственность, — пожалована ему царемъ. И такимъ образомъ свободный хлѣбопашецъ попадалъ въ совершенно иныя условія, чѣмъ жилъ раньше.

Прежде крестьяне платили подати въ царскую казну; для этого они собирались въ общины, выбирали старостъ для сбора податей и сношеній съ царскимъ правительствомъ. Теперь, при новомъ порядкѣ подати, взыскивалъ уже новый собственникъ земли. Но онъ не только собиралъ подати для царя, а облагалъ еще крестьянъ налогами въ свою пользу,—бралъ съ нихъ, такъ сказать, арендную плату за пользованіе его землей.

Понятно, что такой новый порядокъ вещей былъ крайне тяжелъ для крестьянъ, но царь въ тѣ времена былъ полновластнымъ хозяиномъ надъ подданными и надъ всѣмъ государствомъ. И крестьяне, повинуясь царской волѣ, безропотно уступали свои дѣдовскія земли служилымъ людямъ царскимъ. Нѣкоторые оставались на прежнихъ своихъ земляхъ и платили подати новому собственнику. Но многіе предпочитали бросать насиженную землю и итти искать новую, не обремененную непосильными поборами. Ихъ никто не задерживалъ. Они были свободны, хотя и лишены недвижимой собственности, т.-е. земли.

Къ счастью для тогдашнихъ крестьянъ, имъ было куда уходить. Завоеванныя плодоносныя равнины, никѣмъ не заселенныя, притягивали къ себѣ земледѣльцевъ. Само царское правительство, желая заселить вновь пріобрѣтенныя земли, поощряло переселенцевъ: оно съ удовольствіемъ надѣляло ихъ землей, освобождало на извѣстное время отъ податей и проч. Уходили на югъ къ границамъ Украйны, еще больше селились по средней Волгѣ и по Окѣ на земляхъ, только

что отвоеванныхъ у татаръ—здѣсь привлекалъ ихъ тучный пластъ чернозема. Чѣмъ тяжелѣе становилось жить въ центральной Россіи— близко отъ царской Москвы, тѣмъ больше было переселенцевъ. При Иванѣ Грозномъ—въ эпоху опричины и страшной сумятицы, которую онъ поднялъ въ государствѣ— переселеніе приняло характеръ повальнаго бѣгства. Путешественники отъ Москвы до Вологды—въ этихъ наиболѣе людныхъ мѣстахъ Московскаго государства—встрѣчали теперь цѣлыя деревни, брошенныя своими жителями (одинъ иностранецъ насчиталъ такихъ пустыхъ деревень до 50).

Впрочемъ, не только „пустыя“ мѣста привлекали московскихъ выходцевъ, желающіе могли и въ центрѣ тогдашней Россіи найти выгодные для себя пункты для переселенія. Благодаря малочисленности населенія, недостатку рабочихъ рукъ, земледѣльцы всячески старались заманить къ себѣ землепашцевъ.

Особенно въ этомъ направленіи дѣйствовали тогда монастыри, владѣвшіе церковной земельной собственностью. Московскіе цари были очень религіозны и не скупились въ надеждѣ на небесную награду раздавать монастырямъ огромныя вотчины. Кромѣ того, они жаловали монастырямъ льготныя грамоты—тарханы, освобождавшія монастырскія земли отъ податей. Благочестивыя обители пользовались этими льготами для привлеченія и сосредоточенія на своихъ земляхъ рабочихъ-крестьянъ. Богатые сами по себѣ да еще освобожденные отъ податей, монастыри оказывали большія льготы переселяющимся крестьянамъ. Бѣдные служилые люди совершенно не могли въ этомъ отношеніи конкурировать съ различными лаврами. И послѣдніе богатѣли на счетъ первыхъ.

Крестьяне, разумѣется, селились тамъ, гдѣ было для нихъ выгоднѣе всего.

Вслѣдъ за монастырями и частные крупные землевладѣльцы старались заманить къ себѣ крестьянъ всевозможными льготами. Они давали селившимся у нихъ деньги на обзаведеніе полнаго хозяйства, давали сѣмена, лѣсъ, вообще все, что требовалось человѣку на новомъ мѣстѣ. Освобождали на нѣсколько лѣтъ отъ всякаго сбора, сами платили за нихъ подати въ казну.

Заманиваніе на свои земли крестьянъ въ тѣ времена было чрезвычайно развито. Каждую осень около Юрьева дня (переходъ совершался въ это время— послѣ уборки хлѣба, когда крестьянинъ расплатится съ долгами владѣльцу земли)—приказчики, или по-тогдашнему отказчики, отъ богатыхъ помѣщиковъ и монастырей ѣздили по мелкимъ помѣстьямъ и предлагали крестьянамъ одинъ передъ другимъ выгодныя условія для переселенія къ ихъ господамъ. Случалось иногда, что и силой брали людей.

Помѣщикамъ, нуждавшимся въ рабочихъ людяхъ, не только нужно было привлечь крестьянина на свою землю, но и удержать его на ней. Въ то время, когда каждый старался перещеголять другъ друга соблазнительными льготами, крестьяне часто переходили туда, гдѣ имъ казалось лучше. Поэтому большинство помѣщиковъ льготы постарались обратить въ своего рода сѣть, которой опутывали попавшагося къ нимъ крестьянина. Снабжая переселенцевъ деньгами и землей, платя за нихъ нѣсколько лѣтъ подати къ казну, землевладѣльцы насчитывали на крестьянинѣ долгъ съ большими процентами. Этотъ долгъ въ скоромъ времени возрасталъ до такой цифры, что землепашецъ уже никогда не могъ заплатить его, сколько бы онъ ни работалъ. Такимъ образомъ онъ оказывался *вѣчнымъ* работникомъ у помѣщика. Правда, за него этотъ долгъ могли уплатить другіе, и помѣщикъ

не имѣлъ тогда права задерживать землепашца, но этимъ опять-таки пользовались монастыри и богатые люди; они предлагали свою помощь задолжавшимъ крестьянамъ, выкупали ихъ и перевозили на свою землю.

И постепенно русскій вольный хлѣбопашецъ терялъ свою свободу: уже не по своей волѣ переходилъ онъ съ земли на землю, а перевозили его. Правда, онъ могъ еще согласиться или не согласиться на такой перевозъ, не былъ еще настоящимъ рабомъ, но ужъ былъ въ достаточной степени не свободенъ.

Отъ вышеизложеннаго установившагося порядка вещей, какъ мы уже говорили, больше всего выигрывали монастыри. Благодаря тарханамъ, они не платили податей въ казну за свои земли и, будучи богатыми, они могли большими льготами приманивать себѣ крестьянъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что монастырскія земли въ это время были сравнительно съ другими очень густо населены *).

Московскіе цари съ ужасомъ замѣчали, что тяглыя земли, т.-е. тѣ, съ которыхъ шли подати въ казну, пустѣли, крестьяне уходили въ большомъ количествѣ на монастырскія вотчины, гдѣ не нужно было платить податей. Царская казна сильно страдала. Кромѣ того, и служилые люди, оставаясь на своихъ вотчинахъ безъ работниковъ, значитъ, лишаясь дохода, не въ состояніи были отправлять военную службу.

Но никто изъ царей до Бориса Годунова не могъ рѣшиться на такой, по ихъ мнѣнію, кощунственный шагъ, какъ уничтоженіе монастырскихъ льготныхъ грамотъ. Даже Грозный не въ состояніи былъ пре-

*) Замѣтимъ, что монастыри владѣли тогда $^{2}/_{5}$ всей московской старинной земли.

одолѣть свою религіозность и ограничился только тѣмъ, что запретилъ владыкамъ и монастырямъ пріобрѣтать вновь земли.

Въ началѣ царствованія Ѳедора, когда государственныя дѣла сосредоточились въ рукахъ его дяди Никиты Романовича и Бориса Годунова, былъ созванъ соборъ, на которомъ вновь подтверждено было запрещеніе владыкамъ и монастырямъ пріобрѣтать вотчины и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожались всѣ тарханныя грамоты. Отнынѣ монастыри лишались своихъ льготъ и должны были нести повинности наравнѣ со всѣми другими подданными государства *).

Въ данномъ случаѣ Годуновъ сталъ на сторону государственнаго интереса — интереса казны. И въ дальнѣйшей своей дѣятельности по крестьянскому вопросу онъ прежде всего преслѣдуетъ интересъ казны и старается внести порядокъ и въ это сложное и запутанное дѣло отношеній между помѣщиками и крестьянами, при чемъ не реформируетъ эти отношенія и вовсе не думаетъ о томъ, чтобы возвратить крестьянамъ принадлежавшія имъ прежде земли, а только узаконяетъ подсказываемый жизнью порядокъ, стремится внести въ него болѣе опредѣленности, ясности.

Съ этой цѣлью въ 1592—3 году были составлены писцовыя книги, въ которыя переписали всѣхъ тяглыхъ податныхъ крестьянъ, и было приказано помѣщикамъ и впредь вносить въ эти книги тяглыхъ крестьянъ. Нужно замѣтить, что по установившемуся уже издавна порядку не всѣ крестьяне имѣли право уходить съ земли, обложенной государственной податью, а только мірскіе захребетники, т.-е. род-

*) Это постановленіе въ царствованіе Ѳедора не исполнялось въ точности. Набожный царь продолжалъ время отъ времени выдавать тарханы.

ственники плательщика*). Плательщики, называвшіеся *тяглецами*, не должны были уходить съ тяглой земли. Благодаря путаницѣ, которую внесли цари въ землевладѣніе раздачей служилымъ людямъ вотчинъ съ крестьянской землей, тяглецы и захребетники одинаково покидали насиженныя мѣста. И Борисъ Годуновъ своими писцовыми книгами вновь старался отдѣлить старожильцевъ отъ захребетниковъ. Заботился, значитъ, о томъ, чтобы не пустѣли совсѣмъ тяглыя земли.

Въ 1597 году подъ вліяніемъ жалобъ помѣщиковъ былъ изданъ указъ, въ которомъ помѣщикамъ предоставлялось право по суду требовать возвращенія бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянъ, т.-е., очевидно, тѣхъ должниковъ, о которыхъ мы говорили раньше, и тяглецовъ, записанныхъ въ писцовыя книги. Было сказано въ указѣ, что бѣжавшіе не раньше 5 лѣтъ со времени изданія указа должны быть вновь водворены на оставленныя ими земли; тѣ же, которые бѣжали болѣе, чѣмъ 5 лѣтъ тому назадъ, возврату не принадлежатъ.

Впрочемъ, Борисъ Годуновъ не особенно слѣдилъ за исполненіемъ этого указа. Заботясь о заселеніи окраинныхъ, завоеванныхъ царями земель, строя города, онъ поощрялъ переселеніе крестьянъ, и у приходившихъ на новыя мѣста никто не спрашивалъ, имѣютъ ли они право переселяться. Напротивъ, всѣмъ приходящимъ давались земли и оказывались разныя льготы.

---

*) Подать тогда бралась съ „сохи“ (называлась посошной). Въ каждой крестьянской семьѣ былъ *одинъ членъ*, на которомъ лежала обязанность платить подати, — онъ назывался *тяглецомъ*. Другіе же члены семьи назывались захребетниками; таковыми были „отъ дѣдъ—внучата, „отъ дядь—племянники“ и проч.

Съ отмѣной тархановъ монастыри уже не имѣли такой преимущественной передъ всѣми другими землевладѣльцами возможности перезывать льготами крестьянъ на свои земли. Но все-таки они были крупными и богатыми собственниками и продолжали переманивать къ себѣ крестьянъ съ земель бѣдныхъ помѣщиковъ. Этимъ же занимались бояре и другіе знатные и богатые землевладѣльцы, а мелкопомѣстные помѣщики оставались безъ работниковъ и бѣднѣли. Между тѣмъ войско составлялось именно изъ этихъ мелкопомѣстныхъ. Обязанные являться „конны, людны и оружны", съ собственными съѣстными припасами, обѣднѣвшіе служилые люди не могли исполнять свой долгъ.

Борисъ Годуновъ, заботясь о войскѣ, а также сочувствуя обездоленнымъ служилымъ людямъ, въ 1601 г. запретилъ богатымъ землевладѣльцамъ перевозить крестьянъ съ земель мелкихъ владѣльцевъ. Съ этого времени только мелкіе собственники пользовались правомъ перевоза крестьянъ. Такимъ образомъ, опустошеніе земель служилыхъ людей болѣе или менѣе сократилось. *Отъ этого проиграли не только богатые собственники, но и крестьяне.* Во-первыхъ, они уже не имѣли права свободнаго выбора для ухода, а во-вторыхъ, мелкіе помѣщики, какъ наиболѣе нуждающіеся, облагали крестьянъ слишкомъ обременительными для нихъ поборами.

Кромѣ податныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на землѣ помѣщиковъ, существовалъ въ тѣ времена еще особенный классъ людей, тоже жившихъ у помѣщика, но уже не на землѣ, не въ деревнѣ, а на его дворѣ, въ усадьбѣ. Эти люди назывались холопами. Они сами продали себя въ рабство помѣщику. Законъ позволялъ крестьянамъ, если это было имъ выгодно, продаваться съ пашни въ холопы. Выгода была та, что холопъ

не платилъ никакихъ повинностей, господинъ долженъ былъ его кормить, а холопъ работать на господина. Холопами были обыкновенно всякаго рода мастеровые, необходимые въ хозяйствѣ: портные, сапожники, а иногда просто барскіе слуги и чернорабочіе. Нужно различать два вида холоповъ: *кабальные* — сами продавшіеся „съ пашни въ холопи"—и *прирожденные*, т.-е. рожденные холопами.

Нѣкоторые жили у помѣщиковъ, даже не продаваясь въ холопы: просто служили, какъ наемники. Они назывались *вольными холопами*.

Часто среди такихъ вольныхъ холоповъ скрывались люди, бѣжавшіе съ тяглыхъ податныхъ мѣстъ, ускользавшіе такимъ образомъ отъ казенныхъ повинностей. Государству нельзя было углядить за ними: вольные холопы жили у помѣщиковъ безъ документовъ, не занесенные подобно простымъ холопамъ въ особыя кабальныя книги.

Наводя порядокъ, Борисъ не могъ стерпѣть, чтобы въ его государствѣ находились люди, ни къ чему не пристроенные, такъ сказать, бездокументные, да еще обманывающіе казну. Онъ приказалъ въ 1597 году, чтобы всѣ, которые прослужили или прослужатъ у господъ не менѣе полугода, дѣлались бы ихъ полными холопами, потому что господинъ „такого холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ". А тѣхъ вольныхъ холоповъ, которые прослужили менѣе полугода, отпустить, если не пожелаютъ продаться въ рабство. И впредь вообще вольныхъ у себя не держать. Всѣ господа обязаны были принести въ холопій приказъ списки своихъ холоповъ и записывать каждаго новаго.

Нужно замѣтить, что этотъ приказъ Бориса при плохой нравственности русскаго общества сдѣлался причиной всевозможныхъ злоупотребленій. Не только

прослужившіе шесть мѣсяцевъ стали попадать въ рабство, но часто судья въ угоду богатому приговаривалъ къ холопству и такого, который нѣсколько дней у него прослужилъ. Причиной выставлялось, что господинъ на холопа издержался... Иногда господа призывали вольнаго мастерового къ себѣ въ домъ работать, а затѣмъ изъявляли притязаніе, что онъ ихъ холопъ. Начинался судъ; судья потакалъ господину, взявши съ него взятку.

Даже дѣтей боярскихъ *), имѣвшихъ собственныя помѣстья и поступавшихъ къ боярамъ въ качествѣ оруженосцевъ, при случаѣ насильно обращали въ холоповъ. Хватали иногда прохожихъ на дорогѣ, затаскивали въ домъ и вымогали съ нихъ кабалу.

Зато ловкіе люди пользовались обстоятельствами: продадутъ себя въ одномъ мѣстѣ, поживутъ и обокрадутъ хозяина, бѣгутъ въ другой домъ и тамъ сдѣлаютъ то же, потомъ въ третій и т. д.

Теперь мы ясно видимъ, что мѣры Бориса относительно крестьянъ клонились къ выгодѣ помѣщиковъ, главнымъ образомъ служилыхъ людей, мелкопомѣстныхъ дворянъ. Изъ нихъ впослѣдствіи выработались тѣ яростные рабовладѣльцы, о которыхъ теперь съ проклятіемъ вспоминаютъ крестьяне и за грѣхи которыхъ каются ихъ потомки.

Разумѣется, Борисъ никакъ не думалъ, что мѣры, имъ предпринимаемыя, ведутъ къ ужаснымъ результатамъ. Онъ просто хотѣлъ только упорядочить дѣла государства, дѣлалъ то, что подсказывала ему жизнь, и, быть-можетъ, незамѣтно для себя Борисъ поступалъ несправедливо, содѣйствуя однимъ людямъ жить

---

*) Дѣтьми боярскими назывался низшій слой провинціальныхъ служилыхъ людей.

на счетъ другихъ, помогая помѣщикамъ окончательно закабалить несчастныхъ крестьянъ.

Въ частности же Борисъ Годуновъ старался прійти на помощь крестьянамъ, угнетаемымъ землевладѣльцами. Сохранилось извѣстіе, что онъ точно опредѣлилъ, сколько обязаны крестьяне платить своимъ господамъ и работать на нихъ.

Конечно, эти мѣры не могли предотвратить рокового исхода исторіи. Теченіе вещей направлялось тогда въ дурную сторону. И Борисъ Годуновъ плылъ по теченію.

VII.

Голодъ.

Борисъ былъ лучше предшествующихъ государей. Онъ искренно думалъ о благѣ страны и народа. Но всѣ его хорошія дѣйствія только скользили по поверхности, не исправляя жизнь. А между тѣмъ неправильные его поступки, какъ, напримѣръ, законы о крестьянствѣ, всѣ вошли въ жизнь.

Странная судьба этого государя! Онъ хотѣлъ исправить жизнь, но ничего не могъ сдѣлать. И въ заключеніе самъ погибъ отъ множества „возставшихъ на него ненасытныхъ золъ“. Многое сложилось тогда неблагопріятно для Бориса, тутъ было и нѣчто случайное, какъ, напримѣръ, страшный голодъ, постигшій Россію, и нѣчто относящееся къ личной его судьбѣ, какъ, напримѣръ, его борьба съ боярами.

Къ этимъ двумъ „зламъ“ его царствованія мы и перейдемъ теперь. Начнемъ съ голода.

Въ 1601 году отъ дождливаго лѣта и отъ раннихъ морозовъ произошелъ во многихъ мѣстахъ неурожай. Въ этомъ году кое-какъ еще питались старымъ хлѣбомъ и что собрали новаго. Новымъ же хлѣбомъ посѣяли. Но онъ весь погибъ въ землѣ. И сдѣлался голодъ... Отцы покидали дѣтей, мужья—женъ... Людей умирало столько, сколько никогда не умирало даже и при моровомъ повѣтріи. „Видали людей, — говоритъ современникъ,—которые валялись по улицамъ, щипали траву, подобно скотамъ, зимой ѣли сѣно. У мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ. Отцы и матери ѣли дѣтей, дѣти родителей, хозяева гостей. Мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ. Путешественники боялись останавливаться въ гостиницахъ“...

Въ это печальное время Борисъ всячески старался прійти народу на помощь. Онъ приказалъ отворить всѣ свои житницы, продавать казенный хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а бѣднымъ раздавать деньги. Но тутъ-то и начались различныя злоупотребленія. Должностныя лица раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые дѣлились съ ними барышами. Ихъ сообщники одѣвались въ лохмотья, приходили вмѣстѣ съ нищими и получали деньги, а настоящихъ нищихъ разгоняли палками.

Вообще русское общество, и въ особенности богатые люди, тогда отличались безчувственностью. Каждый думалъ только о собственной выгодѣ и старался воспользоваться общимъ бѣдствіемъ для своей пользы. Современники свидѣтельствуютъ, что въ эти голодные годы на Руси не было недостатка въ хлѣбѣ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ (Курскѣ, Владимирѣ) были даже хорошіе урожаи. У многихъ частныхъ лицъ были запасы хлѣба, но... нерѣдко зажиточный крестьянинъ выгонялъ на голодную смерть своихъ слугъ и близ-

кихъ родственниковъ, а запасы продавалъ дорогою цѣной. Иной мужикъ скряга боялся везти свое зерно на продажу и зарывалъ его въ землю, гдѣ оно сгнивало безъ пользы, другому удавалось продать хлѣбъ и взять огромные барыши, но потомъ онъ трясся надъ деньгами отъ страха, чтобы на него не напали. Московскіе купцы заранѣе накупили множество хлѣба и держали его подъ замками въ своихъ лабазахъ, разсчитывая продать тогда, когда цѣны на хлѣбъ поднимутся донельзя.

Этимъ постыднымъ барышничествомъ занимались не только мелкіе торговцы, но и люди съ положеніемъ, даже архимандриты и игумены монастырей. Всѣ эти почтенные и богатые люди искусственно поднимали цѣну хлѣба, захватывая въ свои руки продажу его на рынкахъ.

Борисъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ отбирать у нихъ хлѣбъ, платя имъ умѣренную цѣну, и раздавать бѣднымъ. Но и эти приказанія плохо исполнялись. Должностныя лица стакивались съ хлѣбопродавцами, хлѣбопродавцы же поставляли по установленнымъ цѣнамъ гнилой хлѣбъ.

Чтобы дать народу работу, Борисъ началъ строить въ Кремлѣ большія каменныя палаты. Но, разумѣется, этимъ прокормиться могли только немногіе, голодныхъ было множество.

Бѣдные люди тогда составляли шайки и разбоемъ доставляли себѣ пропитаніе. Преимущественно эти шайки составлялись изъ холоповъ, которыми были наполнены дома знатныхъ и богатыхъ людей. Во время голода, найдя обременительнымъ для себя кормить толпу холоповъ, господа выгоняли ихъ отъ себя. Но они не давали имъ отпускныхъ грамотъ въ надеждѣ по окончаніи голода вернуть обратно, а тѣхъ господъ, которые дадутъ отпущеннымъ холопамъ при-

станище и пропитаніе, надѣялись обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и взять за это деньги. Поэтому никто не хотѣлъ принять несчастнаго холопа безъ отпускной.

Въ августѣ 1603 года Борисъ приказалъ, чтобы господа, отпуская отъ себя холоповъ, давали бы имъ отпускныя грамоты: тѣмъ же холопамъ, которые не получатъ отпускныхъ, будутъ выдаваться таковыя изъ холопьяго приказа.

Но и подобныхъ освобожденныхъ холоповъ было такъ много, что имъ некуда было дѣваться. И чтобы спастись отъ голодной смерти, они начинали разбойничать.

Кромѣ того, масса народа изъ угнетеннаго крестьянскаго населенія бѣжало тогда за границу государства на Донъ и Днѣпръ и тамъ примыкала къ казакамъ, вольнымъ людямъ. Казаки никому не хотѣли подчиняться. Они грабили одинаково и своихъ, и чужихъ, и русскія земли, и мусульманскія. Это были своего рода разбойники, многочисленные, хорошо вооруженные, очень храбрые, даже отчаянные. Они никого не щадили. И крестьянъ своихъ братьевъ грабили съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ помѣщиковъ.

Казаки приставали ко всѣмъ, кто заводилъ смуту въ государствѣ. Они пользовались этой смутой для своихъ цѣлей грабежа и убійства.

Казаки сыграли большую роль въ слѣдующей за голодомъ драмѣ Борисова царствованія. Эта драма была — появленіе самозванца, какъ слѣдствіе борьбы Годунова съ боярами.

Къ этой борьбѣ мы теперь и обратимся. Прежде всего, что это была за борьба?

VIII.

Борьба съ боярами.

Московскіе великіе князья различными мѣрами и способами добивались единовластія въ русской землѣ. Это имъ удалось. Уже Иванъ III (дѣдъ Ивана Грознаго) былъ почти единовластителемъ.

По достигши единовластія, государи московскіе не остановились на этомъ, они желали большаго. Имъ хотѣлось сдѣлаться самодержавными, неограниченными повелителями Россіи. Имъ было непріятно, когда кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ распоряженіе государствомъ.

А тогда были люди, которые доставляли имъ эту непріятность. Это были князья и потомки князей, прежде самостоятельно царствовавшихъ въ удѣлахъ. Вмѣстѣ съ присоединеніемъ отдѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ ихъ владыки перебирались на жительство въ Москву и составляли знать московскаго двора, дѣлались высшими представителями боярства. Памятуя о своей власти, князья-бояре и въ Москвѣ желали играть извѣстную роль въ управленіи государствомъ. Не то, чтобы они оспаривали царскую власть великаго князя московскаго,—нѣтъ они вполнѣ признавали его своимъ господиномъ, но они требовали, чтобы господинъ совѣщался съ ними во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. И господинъ считалъ за лучшее подчиняться пока-что этому требованію.

Боярская дума при Иванѣ III и его сынѣ Василіи была могущественна и ограничивала власть царя.

Но съ удивительнымъ терпѣніемъ и настойчивостью, столь присущими московскимъ государямъ, они постепенно старались отдѣлаться отъ назойливыхъ, непрі-

ятныхъ совѣтниковъ-бояръ. Василій III очень часто дѣйствовалъ самостоятельно и время отъ времени начиналъ преслѣдовать отдѣльныхъ представителей боярства.

Иванъ Грозный блистательно завершилъ дѣло, начатое его дѣдомъ и отцомъ. Онъ такъ усердно принялся истреблять бояръ, ограничивающихъ царскую власть, — „выводить измѣну изъ каменной Москвы", какъ это онъ называлъ, — что ко второй половинѣ его царствованія отъ могущественнаго боярства остались только жалкіе остатки. Если кое-кто и уцѣлѣлъ и даже сохранилъ свое положеніе, то только благодаря крайней услужливости передъ Грознымъ царемъ.

Пришибленность высшаго боярства сказалась и по смерти Ивана. Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ XVI столѣтія при Ѳедорѣ и послѣ него за высшую власть спорятъ и борятся только отдѣльныя личности, по большей части даже не принадлежавшія къ знатному боярству, а выдвинувшіяся или благодаря особымъ заслугамъ передъ царемъ, или благодаря родственнымъ связямъ съ царскимъ домомъ— таковы Годуновъ, Юрьевы, Мстиславскіе, Бѣльскій и др.

Такимъ образомъ борьба Годунова съ боярами не была борьбой съ цѣлымъ классомъ людей, желавшихъ ограничить царскую власть. Это было просто столкновеніе соперниковъ, изъ которыхъ каждый желалъ нераздѣльно владычествовать въ Россіи.

Годуновъ сражался не съ боярствомъ, а только съ отдѣльными лицами—своими противниками. И самый характеръ борьбы былъ совершенно иной, чѣмъ при Грозномъ. Борисъ больше побѣждалъ своихъ соперниковъ мирнымъ путемъ, какъ, напримѣръ, созваніемъ собора въ 1598 году.

Въ душѣ онъ менѣе всего былъ насильникомъ и совсѣмъ не кровожаденъ, какъ его „мудрый учитель по царственнымъ дѣламъ" Иванъ Васильевичъ, при дворѣ котораго Годуновъ воспитался. Борисъ никогда первый не нападалъ на противниковъ, а только защищался, когда это становилось необходимымъ. Въ продолженіе своего болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго главенствованія въ государствѣ онъ только два раза начиналъ преслѣдовать враговъ. Правда, при этомъ страдало не одно лицо, а цѣлый кругъ людей. Но всегда это были люди, объединенные одной общей, задуманной ими крамолой на Годунова.

Вообще же въ выборѣ средствъ для закрѣпленія власти Борисъ отличался свойствами не деспота*), а благодушно настроеннаго человѣка; различныя мирныя церемоніи, какъ при избраніи въ цари, или пышные пріемы пословъ, или стараніе завести дружественныя отношенія съ иностранными государями, какъ, напримѣръ, переписка съ королевой Елизаветой, наконецъ, тѣ постоянные наказы посламъ, чтобы они вездѣ хвалили Бориса, какъ мудраго и милосерднаго правителя. Тутъ еще важно указать, что Борисъ выставляетъ на первый планъ не свое великое могущество, не родство съ римскимъ Цесаремъ, о которомъ толковалъ Грозный, а именно свое милосердіе, свою доброту къ народу. Въ царствованіе Өедора имя Годунова всегда фигурировало рядомъ съ царскимъ на грамотахъ къ иностраннымъ державамъ**), но вѣдь и странно было бы, если бы, заправляя дѣлами, являясь за слабоуміемъ царя главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ, Борисъ не подписывалъ своего имени рядомъ съ Өедоровымъ.

*) Т.-е. человѣка, дѣйствующаго насиліемъ.

**) Царскимъ грамотамъ была усвоена особая формула: по повелѣнію великаго государя по приказу царскаго шурина.

Что касается такъ называемаго захвата власти Борисомъ при Өедорѣ, то захватъ этотъ былъ чрезвычайно мирный. Даже не захватъ, а просто переходъ власти къ наиболѣе способному и дѣятельному правителю. По смерти Грознаго въ 1584 г., какъ извѣстно, государственная власть перешла, за неспособностью царя Өедора, къ его пяти опекунамъ, назначеннымъ Иваномъ. Этими опекунами были: Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ Анастасіи, первой супруги Грознаго, князь Иванъ Өедоровичъ Мстиславскій, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, прославившійся обороной Пскова, и Богданъ Бѣльскій. Этотъ послѣдній сразу обозначилъ свою верховную дѣятельность заведеніемъ смуты. Ему хотѣлось посадить на престолъ вмѣсто Өедора малолѣтняго Дмитрія, родившагося отъ седьмой жены Ивана—Маріи Нагой, а самому единолично править государствомъ. Изъ смуты ничего не вышло, а Богдана Бѣльскаго отправили воеводствовать вмѣсто Москвы въ Нижнемъ Новгородѣ *).

Первое время наибольшей властью среди опекуновъ пользовался всѣми уважаемый Никита Романовичъ Юрьевъ. Ему помогалъ Борисъ Годуновъ. Что касается Мстиславскаго и Шуйскаго, то первый вовсе не отличался никакими способностями, былъ малоподвиженъ и лѣнивъ, а второй былъ больше воинъ, чѣмъ мирный правитель.

И, такимъ образомъ, когда въ концѣ 1584 года Юрьева разбилъ параличъ, правленіе государствомъ само собой перешло къ Борису. Онъ былъ въ самой горячкѣ положенія дѣлъ и теперь, разумѣется, продолжалъ заниматься разрѣшеніемъ государственныхъ во-

---

*) Въ это же время былъ сосланъ въ Угличъ вмѣстѣ со своей матерью царевичъ Дмитрій.

просовъ. Мстиславскій и Шуйскій по своей неспособности поневолѣ должны были уступить ему первенство, а затѣмъ и исключительную власть.

Борисъ не старался устранить или, тѣмъ болѣе, извести своихъ товарищей по правленію. Напротивъ, онъ называлъ Мстиславскаго вторымъ отцомъ, а Шуйскаго искренно считалъ другомъ. Видимо, онъ не считалъ ихъ соперниками, а просто заправлялъ дѣлами, какъ дѣятельный и любящій дѣло человѣкъ.

Первые подали поводъ къ разрыву они. Несомнѣнно, существовала боярская партія, которая ненавидѣла Бориса за его возвышеніе, завидовала ему. Эта партія и подговорила Мстиславскаго погубить Бориса. Названный отецъ Бориса долго отказывался, но по слабости характера далъ себя убѣдить. Было рѣшено зазвать Бориса на обѣдъ и отравить.

Но къ счастью, кто-то во-время извѣстилъ Годунова. Мстиславскаго схватили и отправили въ ссылку. Борисъ не занялся, по обычаю того времени, выискиваньемъ и преслѣдованьемъ враговъ, хотя, несомнѣнно, зналъ объ ихъ существованіи. Онъ даже ничего не сдѣлалъ сыну Мстиславскаго, занимавшему одну изъ высшихъ должностей государства.

Но враги не остановились въ своемъ желаніи какъ-нибудь сокрушить Борисово могущество.

Въ 1587 г. они задумали подать царю Ѳедору петицію (заявленіе) съ просьбой развестись съ бездѣтной Ириной, сестрой Годунова, и жениться на княжнѣ Мстиславской. Въ этомъ заговорѣ приняли участіе князья Шуйскіе, Воротынскіе, Головины, митрополитъ Діонисій и нѣкоторые московскіе купцы.

Борисъ, узнавъ о заговорѣ, пригласилъ къ себѣ митрополита Діонисія и доказалъ ему, что они затѣяли беззаконное и опасное для нихъ дѣло.

Петиція не была подана государю.

На этотъ разъ Борисъ отнесся къ своимъ врагамъ довольно сурово: Шуйскіе, Головины и другіе были разосланы по дальнимъ городамъ. А на мѣсто митрополита Діонисія посвятили въ митрополиты ростовскаго архіепископа Іова, сторонника Бориса, который впослѣдствіи (въ 1589 году) сдѣлался первымъ русскимъ патріархомъ.

Никакого сочувствія всѣ эти „жертвы" Годунова не вызываютъ. Бояре возставали противъ Бориса не ради чьихъ-либо попранныхъ правъ, не во имя угнетеннаго народа, а только изъ-за своихъ собственныхъ интересовъ. Они обвиняли Бориса не въ томъ, что онъ плохо правитъ или угнетаетъ народъ, а въ томъ, что онъ отбилъ *у нихъ* высшую власть. Среди такъ называемыхъ жертвъ Бориса не было мучениковъ идеи, борцовъ за свободу—тѣхъ людей, которыхъ уважаютъ и которымъ поклоняются. Были только чванливые, обидчивые, не особенно умные люди, желавшіе сами воспользоваться лакомымъ кускомъ, который достался Борису. Русь нисколько не проиграла, что вожделѣнія этихъ людей не были удовлетворены. Напротивъ, власть тогда находилась въ рукахъ способнѣйшаго изъ всѣхъ претендентовъ *) на нее. И потому очень хорошо, что этотъ способнѣйшій побѣждалъ своихъ враговъ.

Въ періодъ отъ 1587 года до смерти Ѳедора въ 1598 году враги Бориса ничѣмъ не проявляли себя. А что они существовали, на это указываютъ тѣ упорные и жестокіе слухи, которые распускались въ народѣ про Бориса. Каждое происшествіе въ государствѣ истолковывалось въ дурную сторону для Бориса. Разсказывали даже, что онъ погубилъ жениха своей до-

*) Заявляющихъ о своихъ правахъ.

черн датскаго царевича Іоанна, котораго самъ усиленно приглашалъ въ Россію. Добрые поступки Бориса объяснялись его лицемѣріемъ. Когда Борисъ во время народныхъ пожаровъ отстраивалъ на свой счетъ цѣлыя улицы, говорили, что онъ нарочно поджегъ Москву, чтобы подачей милостыни затѣмъ расположить къ себѣ народъ. Это уже явно завистническая и нелѣпая клевета, спеціально выдуманная для неразвитого, не привыкшаго думать народа.

Вообще тогда народъ московскій служилъ удобнымъ орудіемъ для всякаго рода ловкихъ людей. Народъ былъ игрушкой въ рукахъ смутьяновъ. Хотя и вблизи царя и бояръ жители Москвы плохо знали о царскихъ дѣлахъ. Газетъ, знакомящихъ обывателей съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, тогда вѣдь не было. Все, что дѣлалось въ кремлевскихъ дворцахъ и боярскихъ хоромахъ, доходило до торговой и посадской Москвы въ искаженномъ видѣ—въ сплетняхъ. Толпа глухо и смутно отвѣчала на всякія происшествія во дворцѣ, кидаясь вправо и влѣво, знаменуя свои дѣйствія крайней непослѣдовательностью. Толпа дѣйствовала въ полномъ смыслѣ слова по настроенію, не отдавая себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. И ею могли пользоваться и, дѣйствительно, пользовались для своихъ цѣлей главари самыхъ разнообразнѣйшихъ партій.

Поэтому мы видимъ толпу, то сторонницей Бориса, то злобнымъ врагомъ его и его дѣтей, идущей за Богданомъ Бѣльскимъ и противъ него, то какъ будто любящей названнаго Дмитрія, то звѣрски надругающейся надъ его тѣломъ.

Клеветы враговъ Бориса расходились въ народѣ, но также расходились и восхваленія облагодѣтельствованныхъ имъ людей. А народъ не умѣлъ разобраться, гдѣ во всемъ этомъ правда, гдѣ ложь.

Борисъ не обращалъ вниманія на тайные извѣты своихъ враговъ. Онъ всецѣло погрузился въ устроеніе государства. Такъ дѣло шло до 1598 года—до смерти Ѳедора, когда соперники Бориса опять подняли головы, желая занять престолъ. Въ особенности рѣзко выступаютъ въ это время со своими притязаніями сыновья Никиты Романовича Юрьева. Сохранилось преданіе, что одинъ изъ нихъ Ѳедоръ Никитичъ *) бросился въ злобѣ на Годунова съ ножомъ, но былъ остановленъ. Изъ другихъ претендентовъ выдѣлялся старый смутьянъ Богданъ Бѣльскій, который собралъ огромную толпу приверженцевъ и шелъ къ Москвѣ. Лѣтопись въ числѣ претендентовъ называетъ также фамилію Шуйскихъ. Были, разумѣется, и еще другіе, но они явно ничѣмъ не выдали себя. Только интриговали **).

Борисъ и на этотъ разъ побѣдилъ. Земскій соборъ выбралъ его въ цари.

Если бы Борисъ былъ мстителенъ, онъ, навѣрное, сталъ бы казнить и преслѣдовать своихъ соперниковъ. Однако, мы знаемъ, что первые два года царствованія они благоденствуютъ, живутъ спокойно въ Москвѣ. Борисъ, занятый государственными дѣлами, какъ будто совсѣмъ забылъ о нихъ,

Но они его не забыли. Въ тиши они задумали адскую махинацію. И на этотъ разъ, хотя они и пострадали, но ловко задуманная махинація пришла въ дѣйствіе и достигла цѣли. Своимъ орудіемъ бояре избрали монаха Григорія Отрепьева, извѣстнаго подъ именемъ Дмитрія Самозванца.

Теперь возвратимся нѣсколько назадъ и разскажемъ о случаѣ, происшедшемъ въ 1591 году въ Угличѣ.

---

*) Будущій патріархъ Филаретъ, отецъ Михаила Ѳедоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ.

**) Интрига—козни.

Кромѣ Ѳедора, отъ Ивана остался еще сынъ Дмитрій, родившійся отъ седьмой жены Грознаго. Этого Дмитрія въ 1584 году вмѣстѣ съ матерью Маріей Нагой отправили на жительство въ Угличъ.

Въ 1591 году Дмитрій умеръ или былъ убитъ. Его нашли на дворѣ съ перерѣзаннымъ горломъ.

Никто не присутствовалъ при его смерти. Однако, Марія Нагая, мать царевича, закричала собравшимся угличанамъ, что убійцы никто иные, какъ Битяговскіе. Эти Битяговскіе были присланы изъ Москвы для надзора за Нагими, казавшимися правительству опасными.

Народная чернь, всегда склонная въ такихъ случаяхъ къ самоуправству, разорвала на части указанныхъ матерью убійцъ. Однако, присланный изъ Москвы для слѣдствія объ убійствѣ бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій, донесъ правительству, что царевичъ въ припадкѣ падучей болѣзни самъ накололся ножомъ. Тогда угличанъ наказали за самоуправство. Нагихъ дядей разослали по городамъ, а Марію Нагую постригли въ монахини.

Существуетъ мнѣніе, что въ смерти Дмитрія виновенъ Борисъ Годуновъ. По его де наущенію Битяговскіе убили царевича. Это мнѣніе основано на томъ, что Годуновъ былъ заинтересованъ въ смерти Дмитрія, будто бы наслѣдника престола. Замѣтимъ прежде всего, что нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что именно Борисъ виновенъ въ убійствѣ. Въ гибели Дмитрія былъ заинтересованъ не онъ одинъ, а и всѣ бояре...

Разумѣется, память объ умершемъ Дмитріи такъ бы и исчезла въ русскомъ народѣ, если бы этой памятью не вздумали кощунственно воспользоваться для своихъ цѣлей бояре-недруги Бориса Годунова.

Исторія не даетъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ подготовляли бояре Григорія Отрепьева къ его роли

спасеннаго царевича Дмитрія. Извѣстно только, что Отрепьевъ жилъ долгое время во дворѣ Юрьевыхъ и князей Черкасскихъ. Затѣмъ уѣхалъ изъ Москвы, постригся въ монахи.

Черезъ нѣкоторое время онъ явился въ Москву и сдѣлался секретаремъ у патріарха Іова. Здѣсь онъ и обратилъ на себя вниманіе своими странными рѣчами. Онъ разсказывалъ, что будетъ непремѣнно царемъ на Москвѣ. Борису донесли объ этомъ. Отрепьева было приказано выслать изъ столицы въ дальній монастырь. Однако, кто-то изъ бояръ (разумѣется, это были тѣ, у кого онъ жилъ и которыхъ затѣмъ навѣщалъ—Юрьевы, Романовы и Черкасскіе) своимъ покровительствомъ избавили Отрепьева отъ ссылки. Приказаніе Бориса не было исполнено.

Григорій убѣжалъ на югъ. Очевидно, Борисъ получилъ какія-нибудь тревожныя извѣстія, потому что вдругъ въ 1600 году началъ строжайшій розыскъ. Произошли аресты всѣхъ бояръ, принадлежащихъ къ компаніи Юрьевыхъ. Аресты производились по различнымъ поводамъ, какъ извѣстно изъ офиціальныхъ бумагъ. Такъ, напримѣръ, Богданъ Бѣльскій былъ отозванъ изъ даннаго ему въ управленіе Царева-Борисова и сосланъ въ отдаленный городъ за то, что будто бы говорилъ:

— Борисъ въ Москвѣ царь, а я въ Борисовѣ царь.

Юрьевы были схвачены по доносу жившаго у нихъ холопа, что они хранятъ какіе-то корешки, желая извести царя. По доносамъ почти такого же невиннаго свойства были арестованы и сосланы князья Черкасскіе и нѣкоторые другіе.

Ничтожность поводовъ, по которымъ арестованы всѣ эти лица (при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на арестъ Богдана Бѣльскаго: Борисъ давно зналъ

его, какъ смутьяна, еще съ 1584 года, онъ же назойливо выставлялъ свою кандидатуру въ цари въ 1598 г.; Борисъ давно бы могъ съ нимъ расправиться за дѣйствительно крупныя крамолы), затѣмъ внезапность всѣхъ этихъ арестовъ, послѣ двухъ лѣтъ совершенно безпечнаго царствованія, сравнительная одновременность ихъ, наконецъ, настойчивость, съ которой Борисъ добивался, пытая дворовыхъ и допрашивая господъ, какого-то признанія, все это доказываетъ, что Борисъ хотѣлъ раскрыть какой-то крупный, ужасный заговоръ.

Несомнѣнно, Борисъ въ это время уже зналъ о появленіи самозванца на югѣ Россіи. И не безъ основанія считалъ это дѣломъ бояръ. Сохранилось извѣстіе, что, получивъ офиціальное подтвержденіе о проискахъ самозванца въ Польшѣ, Борисъ твердо заявилъ своимъ приближеннымъ:

„Это боярское дѣло.

Замыслы бояръ, очевидно, были извѣстны Борису уже давно. Но почему-то до времени онъ не придавалъ имъ значенія. И потомъ вдругъ обрушился со всей тяжестью накипѣвшаго гнѣва. Въ то время много бояръ было разослано въ ссылку и отдано подъ стражу.

Тутъ мы должны внести маленькую подробность, характеризующую Бориса. Несмотря на то, что онъ всѣхъ ссылаемыхъ безусловно считалъ измѣнниками и преступниками, однако, не желалъ съ ними поступать особенно сурово. Вотъ что онъ писалъ приставу, назначенному состоять при ссыльныхъ боярахъ:

— Чтобы у нихъ никакой нужды не было. Корму имъ давать вдоволь. Покоить всѣмъ, чего не спросятъ. А не такъ бы ты дѣлалъ, какъ писалъ прежде, что яицъ съ молокомъ даешь не помногу. Это ты дѣлаешь своимъ воровствомъ и хитростью“.

Или другимъ приставамъ:

„По нашему приказу Ивана и Василія Юрьевыхъ ковать вамъ не велѣно, это вы сдѣлали мимо нашего указа".

И здѣсь проявилось добродушіе Бориса, вовсе не похожее на нравы того времени. И тѣмъ болѣе странное для ученика Ивана Грознаго.

IX.

Самозванецъ.

Появленіе самозванца въ Россіи и борьба съ нимъ Бориса были послѣдними событіями его царствованія. Печально заканчивалось правленіе Бориса. Въ народѣ уже бродили темныя силы разыгрывающейся смуты. Сѣмена „царскаго" управленія Московскимъ государствомъ дали богатую жатву. За безумствованія Грознаго, расшатавшаго Россію, и вообще за дурной ходъ исторіи отвѣтилъ ни въ чемъ неповинный Борисъ Годуновъ...

Разскажемъ же о послѣднихъ судорогахъ Борисова царствованія.

Григорій Отрепьевъ въ 1602 году начинаетъ разъѣзжать по Польшѣ отъ вельможи къ вельможѣ. И всѣмъ разсказываетъ, что онъ царевичъ Дмитрій, спасенный боярами отъ убійцъ, подосланныхъ къ нему Борисомъ. Нѣкоторые польскіе паны вѣрили названному Дмитрію и принимали его съ почетомъ. Такимъ образомъ, онъ попалъ къ Сандомирскому воеводѣ Мнишекъ, гдѣ судьба самозванца окончательно рѣшилась. Отрепьевъ влюбился въ дочь Мнишка — Марину. Отецъ ея, пользовавшійся въ Польшѣ довольно грязной репутаціей *), но вліятельный, сейчасъ же понялъ,

*) Извѣстностью.

какія выгоды можно извлечь изъ женитьбы этого названнаго московскаго царевича на его дочери. Ему улыбалась мысль сдѣлаться тестемъ русскаго государя. И Мнишекъ всяческимъ образомъ старается помочь самозванцу. Везетъ его къ королю Сигизмунду и представляетъ, какъ законнаго наслѣдника царской власти послѣ Өедора, доказываетъ необходимость помочь этому несчастному царевичу, у котораго Борисъ Годуновъ отнялъ будто бы престолъ.

Сигизмундъ былъ въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны ему очень хотѣлось признать офиціально царевича Дмитрія и этимъ устроить смуту въ ненавистномъ ему Московскомъ государствѣ, а съ другой стороны, многіе паны, имѣвшіе большую власть въ Польшѣ, высказывались рѣшительно противъ такого признанія. Янъ Замойскій, напримѣръ, говорилъ:

— Этотъ Дмитрій называетъ себя сыномъ царя Ивана. Объ этомъ сынѣ у насъ былъ слухъ, что его умертвили. Онъ же говоритъ, что на его мѣсто умертвили другого. Помилуйте, что это за комедія? Возможно ли: приказали убить царевича и не посмотрѣли, кого убиваютъ. Такъ можно зарѣзать только козла или барана. Да если бы пришлось возводить когонибудь на московскій престолъ, то есть наслѣдники и поззаконнѣе Дмитрія, напримѣръ, домъ Владимирскихъ князей Рюриковичей, князей Шуйскихъ. Это видно изъ русскихъ лѣтописей. При такихъ обстоятельствахъ помогать этому Дмитрію и изъ-за него нарушать миръ безчестно.

Большинство пановъ было согласно съ этимъ мнѣніемъ.

Сигизмундъ поступилъ очень хитро. Онъ не призналъ офиціально Дмитрія, но позволилъ ему набирать сторонниковъ среди польскаго дворянства.

Дмитрій воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и черезъ нѣкоторое время перешелъ московскую границу съ двухтысячнымъ отрядомъ поляковъ. Къ нему сейчасъ же пристали 2000 казаковъ. И, такимъ образомъ, съ четырехтысячнымъ войскомъ онъ двинулся къ Моравску, который передался ему безъ боя. Черезъ какую-нибудь недѣлю сдался и Черниговъ. Тогда самозванецъ уже съ увеличеннымъ войскомъ направился къ Новгородъ-Сѣверскому и осадилъ его. Въ этомъ городѣ войско состояло не изъ однихъ казаковъ и поселянъ, а были стрѣльцы изъ Москвы и отрядъ служилыхъ людей, подъ начальствомъ Басманова. Здѣсь самозванцу было оказано упорное сопротивленіе.

Между тѣмъ Борисъ послалъ къ Сигизмунду пословъ, которые говорили королю:

„Въ вашемъ государствѣ объявился воръ, растрига Григорій Отрепьевъ. Раньше онъ былъ дьякономъ въ Чудовомъ монастырѣ. И мы дивимся, какимъ образомъ такого вора въ вашемъ государствѣ приняли. Если бы этотъ человѣкъ и подлинно былъ князь Дмитрій, изъ мертвыхъ воскресшій, то онъ незаконный сынъ, отъ седьмой жены Ивана“.

Годуновъ требовалъ, чтобы польское правительство казнило самозванца.

Король сухо отвѣтилъ, что Дмитрій не получаетъ помощи отъ правительства.

„А что касается его выдачи,—ехидно замѣтилъ Сигизмундъ,—то вашего самозванца легче теперь изловить въ Московскомъ государствѣ, онъ уже давно тамъ. Ловите его“.

Самозванецъ не остался въ долгу у Бориса и прислалъ ему грамоту, въ которой совѣтовалъ Годунову покориться своему „законному повелителю“ Дмитрію. И исчислялъ въ этой грамотѣ всѣ „преступленія“ Бориса. Въ качествѣ преступленій были разсказаны

съ большимъ знаніемъ дѣла всѣ сплетни, ходившія на Москвѣ о Борисѣ. Знаніемъ этихъ сплетенъ самозванецъ ясно показывалъ свои близкія отношенія съ сочинителями сплетенъ, боярами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Отрепьевъ разсылалъ подметныя грамоты по Россіи, убѣждая народъ изгнать „насильника“ Бориса и признать его, „царевича Дмитрія“, царемъ.

Однако, въ началѣ похода самозванца многіе еще были въ нерѣшительности. Не знали, вѣрить ли грамотамъ названнаго Дмитрія или патріарху Іову, доказывавшему, что царевичъ Дмитрій никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, бывшій монахъ.

Было, кромѣ того, много недовольныхъ и общимъ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ. Крестьяне, лишившіеся мало-по-малу своихъ земель и попадавшіе подъ власть помѣщиковъ, во множествѣ бѣжали въ южные города. И тамъ образовывали своего рода протестующую партію.

Эти недовольные и начинаютъ сразу переходить на сторону самозванца и сдавать ему города и села. Кромѣ того, къ названному Дмитрію приходятъ на помощь казаки. Казакамъ было рѣшительно все равно, къ кому не пристать, лишь бы можно было воевать и грабить. Совсѣмъ имъ не важны были ничьи права и ничье несчастье, они думали только о себѣ. Впослѣдствіи они такъ же, какъ перваго самозванца, признали истиннымъ Дмитріемъ и второго самозванца. И все время, начиная съ появленія Григорія Отрепьева и далѣе во время смуты, усиленно занимались грабежомъ и разореніемъ Россіи.

Вообще во время похода самозванца наблюдаемъ такую картину.

Южные города, жители которыхъ состоятъ изъ русскихъ выходцевъ и казаковъ, сдаются ему безъ боя. Тамъ же, гдѣ засѣли воеводы со служилыми

людьми, Отрепьеву оказывается упорное сопротивленіе. Новгородъ-Сѣверскій и Смоленскъ самозванецъ вовсе не можетъ взять, зато Черниговъ, Рыльскъ, Кромы берутся ничтожными отрядами казаковъ, совершающими походы именемъ царевича Дмитрія.

Полуугнетенное и колеблющееся настроеніе царило и въ главномъ царскомъ войскѣ подъ начальствомъ Мстиславскаго. Это сорокатысячное войско терпитъ даже вначалѣ пораженіе отъ небольшого отряда самозванца. И только затѣмъ при Добрыничахъ побѣждаетъ нестройные полки Дмитрія и то потому, что изъ войска Отрепьева ушла его главная опора—поляки, не поладившіе съ самозванцемъ.

Названный Дмитрій былъ отброшенъ къ югу и заперся въ Путивлѣ.

Но и здѣсь деморализація *) царскаго ополченія сказалась въ томъ, что войско не послѣдовало за самозванцемъ въ Путивль, гдѣ Отрепьева легко было захватить, а занялось грабежомъ Комарницкой волости. Въ это же время многіе служилые люди начинаютъ попросту отъѣзжать отъ войска, ссылаясь на отсутствіе съѣстныхъ припасовъ. Сами воеводы послали къ царю просьбу распустить ополченіе, такъ какъ всѣ очень устали.

Борисъ разсердился и приказалъ сказать воеводамъ, что они поступаютъ нерадиво. Послѣ этого воеводы осадили городъ Кромы, гдѣ засѣлъ отрядъ казаковъ. Но и здѣсь царскіе полководцы дѣйствовали невозможно плохо; не только не взяли этого ничтожнаго города, а даже пропустили туда по небрежности атамана Корелу, пришедшаго на помощь осажденнымъ.

Вообще было замѣтно, что воеводы выжидали; не измѣняли Борису, но и не старались особенно служить ему.

*) Распущенность.

По поведенію этихъ воеводъ можно судить о состояніи умовъ всего высшаго русскаго общества того времени.

Воевода Василій Шуйскій былъ типичнымъ представителемъ высшихъ чиновъ государства — чиноначальниковъ, какъ ихъ называютъ лѣтописцы. Въ немъ мы видимъ отсутствіе предпріимчивости, боязнь всякаго новаго шага, но въ то же время терпѣніе и стойкость—качества, которыми русскіе приводили въ изумленіе иноземцевъ. Онъ гнулъ шею передъ силою, покорно служилъ власти, пока она была могуча для него, но измѣнялъ ей, когда видѣлъ, что она слабѣла. И вмѣстѣ съ другими топталъ то, передъ чѣмъ прежде преклонялся.

Понятно, что трудно было полагаться на такихъ людей. И если въ мирное время они служили Борису. то во время всеобщаго броженія умовъ мечтали объ измѣнѣ.

У Бориса было много тайныхъ враговъ и совсѣмъ не было друзей. Онъ возбудилъ негодованіе чиноначальниковъ русской земли за то, что не потакалъ ихъ беззаконіямъ и преслѣдовалъ за мошенничества.

Не удивительно, что въ трудныя для него минуты Годуновъ чувствовалъ себя одинокимъ, чувствовалъ, что все кругомъ его трона колеблется и готово распасться.

Онъ не выдержалъ этого томительнаго настроенія. Въ апрѣлѣ 1605 года, когда Борисъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа. И послѣ двухчасовыхъ страданій онъ скончался.

Послѣ него остался сынъ Ѳедоръ, молодой, образованный человѣкъ, и дочь Ксенія. Народъ присягнулъ Ѳедору, но уже открыто говорилъ:

— Недолго царствовать Борисовымъ дѣтямъ. Вотъ Дмитрій Ивановичъ придетъ въ Москву.

Дѣйствительно, воеводы Басмановъ и Котыревъ, посланные на смѣну Шуйскому и Мстиславскому подъ Кромы, измѣнили молодому царю и перешли съ войскомъ на сторону самозванца.

Θедоръ Борисовичъ.

Бояре, оставшіеся въ Москвѣ, рѣшили погубить Θедора съ матерью. Ихъ отвезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній домъ Бориса и тамъ удавили. А красавицу Ксенію оставили для утѣхи Дмитрію Ивановичу.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

КНИГИ, ВЫШЕДШІЯ ИЗЪ ПЕЧАТИ.

I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общ. Распр. Техн. Зн.:

Будда, его жизнь и ученіе. Сост. *Платонъ Лебедевъ.* Ц. 10 к.
Страна пирамидъ (Египетъ). Сост. *М. Мельгунова.* Ц. 10 к.
Въ римскомъ циркѣ. Сост. *Е. Мельгунова.* Ц. 8 к.
Персія и персы. Сост. *Е. Богрова.* Ц. 20 к.
Когда и какъ стала Волга русскою рѣкою. Составила *М. Черняева.* Ц. 20 к.
Картины изъ жизни государства аѳинскаго въ V в. до Р. Хр. Сост. *Т. Алабина.* Ц. 25 к.
Іезуиты. Сост. *А. Ильинъ.* Съ рисунк. Ц. 30 к.
М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.
Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. Сост. *Е. Ефимова.* Съ рисунк. Ц. 25 к.
М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.
Промыслы и торговля древней Руси. Составилъ *В. Лабунскій.* Съ рисунк. и картою. Ц. 15 к.
М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.
Владиміръ Мономахъ и его время. Составилъ *М. П. Молчановъ.* Съ рисунками и картою. Ц. 15 к.
М. Н. Пр. ДОПУЩЕНЪ въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.
Я. И. Ростовцевъ. Очеркъ *Дим. Крачковскаго.* Ц. 10 к.
Іоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія. Составилъ *Е. Н. Волчанецкой.* Съ рисунками. Ц. 20 к.
Хожденія за три моря Аѳанасія Никитина. Составила *К. Гарина.* Съ рисунками. Ц. 10 к.
Борисъ Годуновъ. Очеркъ. Состав. *П. Ивановъ.* Съ рис. Ц. 15 к

II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Географической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общ. Распр. Техн. Зн.

Уралъ. Сост. *Т. Л. Хитрого.* Съ рисунк. и картами. Ц. 40 к.
Черноморскія степи. Сост. *Н. Дилевская.* Со многими рисунками и съ картой. Ц. 40 к.
Финляндія. Сост. *А. Лезинъ.* Съ рис. Ц. 35 к.

Означенныя книги находятся въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Книги, вышедшія изъ печати.

I.

[illegible]

Географической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общ. Распр. Техн. Зн.

Индія, ея жизнь и управленіе. [illegible]

[illegible]

Борисъ Годуновъ. [illegible]

II.

[illegible]

Географической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общ. Распр. Техн. Зн.

[illegible]

Означенныя книги находятся въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

